Проф. И. М. Андреевъ.

1967

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

(Основныя особенности личности и творчества).

Тѵпографія преп. Іова Почаевскаго.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

1967

Проф. И. М. Андреевъ.

Ѳ. М. Достоевскій.

(Основныя особенности личности и творчества).

Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій родился 30 октября 1821 года, въ Москвѣ, въ семьѣ врача Московской Маріинской больницы для бѣдныхъ — Михаила Андеевича Достоевскаго. Дѣдъ писателя по отцу, Андрей Михайловичъ, былъ протоіерей въ г. Брацлавѣ, Подольской губерніи. Одинъ изъ сыновей о. Андрея, Левъ Андреевичъ, дядя писателя тоже былъ священникомъ. Изъ шести дочерей о. Андрея — три стали матушками, выйдя замужъ за священниковъ. Отецъ писателя Михаилъ Андреевичъ сначала обучался въ Каменецъ-Подольской Семинаріи, но не окончивъ ее, съ согласія и благословенія матери удалился изъ отеческаго дома въ Москву, гдѣ поступилъ студентомъ въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи. По свидѣтельству младшего брата писателя, Андрея Михайловича, ихъ отецъ, послѣ окончанія курса медицинскихъ наукъ въ Академіи, въ 1812 г. былъ командированъ на службу лекаремъ въ военные лагеря, а затѣмъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ, гдѣ получилъ званіе штабъ-лекаря. Изъ Бородинскаго полка онъ былъ переведенъ ординаторомъ въ Московскій военный госпиталь въ 1818 г. Затѣмъ, въ 1821 году уволенъ изъ военной службы и назначенъ лекаремъ въ Московскую Маріинскую больницу, со званіемъ штабъ-лекаря. Дослужился онъ до чина коллежскаго совѣтника и былъ кавалеромъ трехъ орденовъ. По свидѣтельству близкихъ, онъ былъ человѣкъ чрезвычайно раздражительный, вспыльчивый и заносчивый, угрюмый и замкнутый, болѣзненно ревнивый, а кромѣ того, еще и страдалъ хроническимъ алкоголизмомъ.

Мать Достоевскаго, Марія Ѳеодоровна Нечаева, происходила изъ купеческой семьи. Дѣдъ писателя по матери, Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ Нечаевъ, въ концѣ 18-го вѣка переселился изъ глуши Калужской губерніи въ Москву и сначала служилъ сидѣльцемъ въ лавкѣ, а затѣмъ вступилъ въ третью купеческую гильдію и сталъ торговать самостоятельно въ суконномъ ряду. Потомъ онъ купилъ домъ и выдалъ свою старшую дочь за представителя московской коммерческой аристократіи — Александра Куманина. Младшая дочь Ѳеодора Тимоѳеевича — Марія Ѳеодоровна Нечаева, дѣвушка свѣтлой души, жизнерадостная и религіозная, — стала женой штабъ-лекаря Достоевскаго и матерью геніальнаго писателя. Она любила поэзію, цѣнила и любила Жуковскаго и Пушкина, зачитывалась романами, была очень музыкальна, пѣла народныя пѣсни и романсы подъ собственный аккомпанементъ на гитарѣ. Будучи любящей женой и матерью, Марія Ѳеодоровна умѣла смягчать жесткій, угрюмый и вспыльчивый характеръ мужа и была первой учительницей всѣхъ своихъ дѣтей.

Старинный портретъ Маріи Өеодоровны, изображающій скромную молодую женщину въ бѣломъ платьѣ, съ открытой шеей, съ ниспадающими шелковистыми локонами вдоль щекъ, по вѣрному и мѣткому замѣчанію извѣстнаго біографа Достоевскаго Л. Гроссмана, — напоминаетъ намъ нарядъ и прическу Татьяны Лариной. Отсюда позволительно предположить, что мать писателя, любившая и цѣнившая Пушкина, своимъ идеаломъ считала Татьяну.

Если у отца Достоевскаго мы можемъ отмѣтить патологическія черты характера эпилептоидной психопатіи (патологическую ревность, взрывчатость, подозрительность, жестокость, угрюмость, скаредность, педантичность, временами сентиментальность, приступы тоски, склонность къ патологическихъ опьяненіямъ), то у матери писателя необходимо признать поразительное душевное здоровье, несмотря на наличіе туберкулеза легкихъ, (который часто истеризируетъ такихъ больныхъ), и на чрезвычайно тяжкій крестъ семейной жизни.

Личная жизнь матери Достоевскаго, Маріи Өеодоровны, была полна драматическаго содержанія. Отецъ Достоевскаго былъ безобразно ревнивъ, безъ всякаго къ тому основанія. Онъ мучилъ свою вѣрную, преданную, любящую жену припадками необузданной ревности. Марія Өеодоровна должна была выслушивать нелѣпыя обвиненія въ невѣрности и доказывать свою полную невинность.

Два небольшихъ отрывка изъ писемъ Маріи Өеодоровны къ мужу — дадутъ полное впечатлѣніе объ ея страданіяхъ.

Въ письмѣ отъ 31 мая 1835 г. она пишетъ:

"...Клянусь тебѣ, другъ мой, самимъ Богомъ, небомъ и землею, дѣтьми моими и всѣмъ моимъ счастіемъ и жизнію моею, что никогда не была и не буду преступницей сердечной клятвы моей, данной тебѣ, другу моему, единственному моему, передъ святымъ алтаремъ въ день нашего брака. Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой узелъ взаимной любви нашей со стороны моей — любви чистой, священной, непорочной и страстной, неизмѣняемой отъ самаго брака нашего... Прощай, другъ мой, не могу писать болѣе и не соберу мыслей въ головѣ моей; что касается до меня, повелѣвай мною; не только спокойствіемъ, — и жизнью моею жертвую для тебя".

Въ другомъ письмѣ отъ 8-10 іюня 1835 г. она пишетъ въ отвѣтъ на обвиненія въ измѣнѣ: "...Я свѣта Божьяго не взвидѣла; нигдѣ не могла найти себѣ ни мѣста, ни отрады. Три дня я ходила, какъ помѣшанная. Ахъ, другъ мой, ты не повѣришь, какъ это мучительно..." "...Любви моей не видятъ, не понимаютъ чувствъ моихъ, смотрятъ на меня съ низкимъ подозрѣніемъ, тогда какъ я дышу моею любовью. Между тѣмъ время и годы проходятъ, морщины и желчь разливаются по лицу, веселость природнаго характера обращается въ грустную меланхолію, и вотъ удѣлъ мой, вотъ награда непорочной страстной любви моей; и ежели бы не подкрѣпляла меня чистая моя совѣсть и надежда на Провиденіе, то конецъ судьбы моей самый былъ бы плачевный. Прости

мнѣ, что пишу рѣзкую истину чувствъ моихъ. Не кляну, не ненавижу, а люблю, боготворю тебя и дѣлю съ тобой, другомъ моимъ единственнымъ, все, что имѣю на сердцѣ". (Цитаты писемъ по книгѣ Л. Гроссмана — "Достоевскій, М. 1962.)

Θеодоръ Михайловичъ былъ вторымъ сыномъ. Братъ Михаилъ былъ годомъ старше, сестра Варвара — годомъ младше. По словамъ жены Достоевскаго — Анны Григорьевны — Θеодоръ Михайловичъ съ горячимъ чувствомъ вспоминалъ свою мать и любилъ брата Михаила и сестру Варвару. Съ младшими же братьями и сестрами близости не было. Отца дѣти боялись и не любили. Впослѣдствіи, младшій братъ Андрей Михайловичъ (1825-1897) написалъ свои "Воспоминанія", въ которыхъ честно, строго объективно и правдиво описалъ жизнь молодого Достоевскаго. Сообщенныя имъ свѣдѣнія являются почти единственнымъ источникомъ біографіи юности великаго писателя.

Послѣ смерти жены (Марія Θеодоровна умерла отъ туберкулеза легкихъ въ годъ смерти Пушкина, въ 1837 г., когда Достоевскому было 16 лѣтъ) — отецъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи въ Тульск. губ. купленномъ въ 1831 г., сталъ пьянствовать и въ пьяномъ видѣ безчинствовать и буйствовать, проявляя такъ называемое "патологическое опьянѣніе", характерное для лицъ съ эпилептоиднымъ психопатическимъ характеромъ. Въ 1839 г. онъ былъ убитъ крестьянами, при не выясненныхъ обстоятельствахъ.

Θеодоръ Михайловичъ унаслѣдовалъ отъ отца нѣкоторыя психопатическія черты: вспыльчивость, подозрительность, чрезвычайно повышенную чувствительность, болѣзненную обидчивость, такую же болѣзненную ревность и склонность къ приступамъ тоски. Въ дѣтствѣ у него отмѣчались явленія похожія на слуховыя галлюцинаціи (см. "Мужикъ Марей" въ "Дневникѣ Писателя"). Впослѣдствіи же—появились эпилептиформные припадки. Рано пробудившіяся и долго мучившія Достоевскаго чувственныя страсти, — также были получены по наслѣдству отъ отца. Отъ матери — онъ унаслѣдовалъ религіозную одаренность, чуткость, доброту, высокое сознаніе нравственнаго долга и способность каяться въ каждомъ проступкѣ. Судя по стилю матери, даръ художественнаго словеснаго творчества Достоевскій тоже получилъ отъ нея.

Воспитаніе въ патріархальной семьѣ Достоевскихъ было строгое, требовательное, суровое, которое смягчалось и духовно просвѣщалось вліяніемъ доброй матери. Отецъ преподавалъ старшимъ сыновьямъ латынь. Во время уроковъ они должны были стоять. Начальное образованіе всѣ дѣти получили отъ матери. Читать учились по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, съ картинами. Затѣмъ, позднѣе, для преподаванія Закона Божьего, приходилъ дьякон, который, благодаря блестящему дару слова, умѣнію приноровиться къ складу дѣтскаго ума и глубокому религіозному чувству, имѣлъ огромное вліяніе на дѣтей Достоевскихъ и навсегда оставилъ по себѣ благоговѣйную память, какъ о добромъ сѣятелѣ. Въ семьѣ Достоевскихъ, несмотря на суровую строгость воспитанія, ни-

когда не примѣнялось тѣлесное наказаніе. Одна няня разсказывала дѣтямъ народныя сказки (Лукерья), а другая — (Алена Фроловна) — научила 3-хъ лѣтняго Ѳедю Богородичнымъ молитвамъ. По праздникамъ дѣтей очень часто водили въ церковь. Вечерами устраивалось семейное чтеніе. Отецъ часто читалъ вслухъ "Исторію Государства Россійскаго" Карамзина. Изъ занятій съ матерью (которая читала дѣтямъ Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта) — потрясающе сильнѣйшее на всю жизнь впечатлѣніе оказала "Книга Іова". Въ 1875 г. Достоевскій писалъ своей женѣ Аннѣ Григорьевнѣ: "Читаю книгу Іова, и она приводитъ меня въ болѣзненный восторгъ, бросаю читать и хожу по часу въ комнатѣ, чуть не плача... Эта книга, Аня, странно это, — одна изъ первыхъ, которая поразила меня въ жизни, я былъ еще тогда почти младенцемъ!"

Еще въ отроческомъ возрастѣ Достоевскому пришлось услышать и часть тѣхъ романовъ, которые родители его читали по вечерамъ вслухъ для себя. Изъ нихъ особенно рѣзко запечатлѣлись "романы кошмаровъ и ужасовъ" Анны Радклифъ, вліяніе которой такъ явно можно найти въ послѣдующемъ творчествѣ геніальнаго писателя.

Почти ежегодно вся семья ѣздила на Богомолье въ Троице-Сергіевскую Лавру. Эти поѣздки производили на дѣтей неизгладимо сильное впечатлѣніе. Не менѣе сильное впечатлѣніе на болѣзненно-воспріимчиваго и чутко-религіознаго Ѳедю производили встрѣчи въ паркѣ больницы съ бѣдными, больными, страдающими людьми.

Эти первыя, раннія, дѣтскія впечатлѣнія глубоко запали въ душу Достоевскаго-ребенка, мучительно контузили его чуткое воспріимчивое сердце и рано потрясли все его существо чувствомъ состраданія.

Нѣмецкій психологъ и педагогъ Шарлотта Бюллеръ высказала очень глубокую мысль о томъ, что взрослый человѣкъ повторяетъ въ своей жизни, въ расширенномъ и углубленномъ видѣ, то, что пережилъ въ дѣтствѣ. Достоевскій, своей жизнію и творчествомъ, это ярко подтверждаетъ.

Художественное творчество, какъ это правильно отмѣтилъ еще Аристотель, а въ послѣднее время Фрейдъ, — есть своего рода "катарсисъ", очищеніе, освобожденіе, отреагированіе во внѣ, въ художественной формѣ, того, что субъективно и подсознательно мучаетъ писателя. Достоевскаго, съ ранняго дѣтства мучали страданія и скорби бѣдныхъ больныхъ людей. И онъ сдѣлался болѣзненно чуткимъ ко всякимъ страданіямъ, ко всякой несправедливости, ко всякой обидѣ униженныхъ и оскорбленныхъ людей, что заставило его очень рано и остро поставить передъ собою проблему соціальнаго неравенства, а затѣмъ и попытаться разрѣшить эту проблему сначала въ плоскости политической.

"Страстный къ страданію поэтъ" — такъ опредѣлилъ Достоевскій Некрасова, опредѣляя этими словами и самого себя.

Постепенно проблема соціальнаго зла превратилась въ проблему з л а вообще, вслѣдствіе чего соціальная проблема стала для него религіозной проблемой.

Красной нитью черезъ всю жизнь и черезъ все его творчество, какъ

художественное, такъ и публицистическое, — проходитъ стремленіе до конца уяснить и разрѣшить эту соціально-религіозную проблему.

Дѣтей Достоевскихъ, когда они стали постарше, изрѣдка, 2-3 раза въ годъ, водили въ театръ. И когда 10-лѣтній Ѳедя впервые увидѣлъ "Разбойниковъ" Шиллера (съ участіемъ геніальнаго актера Мочалова), — онъ страстно увлекся Шиллеромъ, и это увлеченіе осталось у него на всю жизнь. Читалъ Достоевскій и въ дѣтствѣ, и въ теченіе всей своей жизни — чрезвычайно много. О характерѣ и діапазонѣ его чтенія — см. изслѣдованіе Л. Гроссмана (Библіотека Достоевскаго, Одесса, 1919 г.). Изъ русскихъ писателей на молодого Достоевскаго имѣли большое вліяніе: Пушкинъ, (котораго братья Михаилъ и Ѳеодоръ боготворили и знали почти наизусть), Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ и Тютчевъ, а изъ западно-европейскихъ: Шекспиръ, Шиллеръ, Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, Гофманъ, Бальзакъ, Гюго и Жоржъ Зандъ. Изъ древнихъ — Достоевскій боготворилъ Гомера.

Въ 1837 г. на дуэли былъ убитъ Пушкинъ, и въ это же время у Достоевскаго умерла отъ туберкулеза мать. "Если бы у насъ не было семейнаго траура" — писалъ Достоевскій — "я бы просилъ позволенія носить трауръ по Пушкину".

Послѣ прекрасной домашней подготовки Михаилъ и Ѳеодоръ Достоевскіе были отданы сначала въ пансіонъ француза Сушара, въ 1833 г. (Этотъ пансіонъ описанъ въ романѣ "Подростокъ"), а затѣмъ, черезъ годъ, переведены въ привилегированный пансіонъ Чермака, въ которомъ преподавали лучшіе профессора Москвы.

Послѣ смерти матери братья Достоевскіе были отвезены отцомъ въ Петербургъ. Послѣ краткаго временнаго пребыванія въ подготовительномъ пансіонѣ К. Ф. Костомарова, въ январѣ 1838 г., Ѳеодоръ Достоевскій выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ интернатъ СПБ. Военно-Инженернаго Училища. Братъ его Михаилъ, по состоянію здоровья не былъ принятъ туда и отправился въ Инженерную команду въ г. Ревель.

Незадолго до Достоевскаго, въ Инженерномъ училищѣ учился замѣчательный духовный писатель — епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Воспитанникомъ этого же училища былъ и знаменитый защитникъ Севастополя — Тотлебенъ. Одновременно съ Достоевскимъ въ этомъ же Инженерномъ училищѣ учился и писатель Д. В. Григоровичъ.

Трагическая смерть отца, убитаго крестьянами, — была самой тяжелой психической травмой въ юности Достоевскаго, которому было тогда 18 лѣтъ. Онъ никогда и нигдѣ не упоминалъ и не писалъ объ этомъ событіи, и, по словамъ его друга барона Врангеля, "просилъ о немъ не спрашивать".

Дочь Достоевскаго Любовь Ѳеодоровна, въ своихъ "Воспоминаніяхъ", писала: "Мнѣ всегда казалось, что Достоевскій, создавая типъ старика Карамазова, думалъ о своемъ отцѣ". Это очень похоже на правду.

Съ Д. В. Григоровичемъ Достоевскіій былъ просто только въ товарищескихъ отношеніяіхъ, но въ 1839 и въ 1840 гг., въ Петербургѣ, у

него была кратковременная восторженная дружба съ юношами Иваномъ Шидловскимъ и Иваномъ Бережецкимъ, на почвѣ общей любви къ Шиллеру. Между прочимъ, жена Достоевскаго, Анна Григорьевна, предполагала, что Ѳеодоръ Михайловичъ впослѣдствіи подружился и полюбилъ Владиміра Соловьева за то, что тотъ напоминалъ ему Шидловскаго

Чрезвычайно характерно, что первые опыты художественнаго творчества Достоевскаго — были въ драматической формѣ. (Отрывки изъ своихъ драмъ — "Марія Стюартъ" и "Борисъ Годуновъ" — онъ читалъ брату Михаилу. Къ сожалѣнію никакихъ слѣдовъ этихъ произведеній до насъ не дошло.) Если бы онъ сталъ драматургомъ, то это былъ бы, несомнѣнно, второй Шекспиръ.

Находясь въ Инженерномъ Училищѣ, Достоевскій крайне нуждался, такъ какъ скаредный отецъ присылалъ ему очень мало денегъ, которыхъ не хватало на самыя крайнія нужды.

Въ 1843 г. (22-хъ лѣтъ) Достоевскій кончилъ Училище, производится въ подпоручики и поступаетъ на службу въ Инженерный корпусъ.

Послѣ выхода изъ Училища онъ начинаетъ получать отъ опекуна Карепина (мужа сестры Варвары) — около 5000 рублей ассигнаціями въ годъ, что тогда составляло порядочную сумму, но денегъ этихъ ему никогда не хватало, такъ какъ онъ сталъ вести безпорядочную и расточительную жизнь: то устраивалъ "роскошные обѣды для друзей, то голодалъ, то проигрывалъ до 1000 рублей на билліардѣ, то занималъ деньги у ростовщиковъ. Склонность къ азартнымъ играмъ позднѣе приняла характеръ порочной страсти. (См. "Дневникъ" и "Воспоминанія" А. Г. Достоевской и автобіографическій романъ "Игрокъ").

Уничтоживъ свои первые драматическіе опыты, Достоевскій обратился къ повѣстямъ и рассказамъ, а затѣмъ перешелъ и къ большимъ романамъ. Но по своему творческому художественному темпераменту и по психологіи самого процесса творчества, — Достоевскій остался драматургомъ. Вотъ почему всѣ его произведенія, начиная съ перваго романа "Бѣдные люди" и кончая послѣднимъ романомъ "Братья Карамазовы" — полны драматическихъ сценъ. Недаромъ очень многіе романы и повѣсти Достоевскаго передѣланы для театра ("Хозяйка", "Село Степанчиково", "Униженные и оскорбленные", "Мертвый Домъ", "Преступленіе и наказаніе", "Идіотъ", "Бѣсы", [подъ названіемъ "Николай Ставрогинъ"], "Братья Карамазовы" и другіе). Между прочимъ, "Братья Карамазовы" — не только на русскомъ, но и на французскомъ (въ передѣлкѣ Жана Круэ и Жака Капо).

Вячеславъ Ивановъ очень удачно опредѣлилъ творчество Достоевскаго, какъ — "Романъ-трагедія".

Свой первый романъ "Бѣдные люди" Достоевскій началъ писать еще въ Инженерномъ Училищѣ. Писалъ онъ его, по собственному признанію, "со страстью, почти со слезами".

Отказъ отъ драматическаго творчества и переходъ къ писанію повѣстей и романовъ произошелъ у Достоевскаго несомнѣнно подъ влія-

ніемъ Бальзака (1799-1850 гг.). Познакомившись съ творчествомъ этого величайшаго французскаго романиста, Достоевскій былъ чрезвычайно пораженъ его яснымъ реализмомъ, его художественно-психологическимъ анализомъ жизни современнаго общества, острой и тонкой постановкой соціальной проблемы, любовью и сочувствіемъ къ бѣднымъ, страдающимъ, униженнымъ и оскорбленнымъ людямъ, и удивительной способностью вставлять въ свои романы — чисто драматическія сцены.

Въ 1843 г. (когда Достоевскому было 22 года) 44-хъ лѣтній Бальзакъ пріѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ почти три мѣсяца. Достоевскій воспользовался успѣхомъ и славой геніальнаго французскаго писателя и перевелъ его романъ "Евгенія Гранде" на русскій языкъ. Это былъ первый литературный опытъ и первое печатное произведеніе Достоевскаго.

Въ литературномъ генезисѣ романа "Бѣдные люди" слѣдуетъ отмѣтить несомнѣнное вліяніе трехъ художественныхъ произведеній: "Станціоннаго смотрителя" Пушкина, "Шинели" Гоголя ("мы всѣ вышли изъ "Шинели" — говоритъ Достоевскій), и "Евгеніи Гранде" Бальзака.

Въ мартѣ 1845 г. романъ "Бѣдные люди" былъ вполнѣ готовъ и тщательно отдѣланъ. 15 января, подъ редакціей Некрасова, вышелъ "Петербургскій сборникъ", въ которомъ первый романъ Достоевскаго былъ напечатанъ. Появленіе этого романа — было огромнымъ событіемъ въ исторіи русской литературы. Въ "Дневникѣ писателя" за 1877 г., въ главѣ "Старыя воспоминанія", Достоевскій подробно описываетъ всю исторію "Бѣдныхъ людей". Отдавъ рукопись романа, при помощи Григоровича, редактору "Современника" Некрасову, онъ вечеромъ того же дня пошелъ куда-то далеко къ одному изъ своихъ прежнихъ товарищей. "Воротился я домой" — пишетъ Достоевскій, "уже въ 4 часа, въ бѣлую, свѣтлую какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились домой, взяли рукопись и стали читать на пробу: "съ десяти страницъ видно будетъ". Но прочтя 10 страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ... Когда они кончили, то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: "что же такое что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!"

На слѣдующій день Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому, со словами "новый Гоголь явился!". Бѣлинскій сначала рзсердился ("у васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ"). Но, познакомившись съ рукописью, былъ "просто въ волненіи" и потребовалъ, чтобы автора немедленно привели къ нему...

Достоевскій ушелъ отъ Бѣлинскаго очарованный. "Это была самая

восхитительная минута во всей моей жизни" — вспоминалъ онъ черезъ 30 лѣтъ.

Бѣлинскій назвалъ "Бѣдные люди" — первымъ русскимъ соціальнымъ романомъ. (Подлинная исторія русскаго соціальнаго романа такова: "Бѣдная Лиза" — Карамзина, "Станціонный смотритель" Пушкина, "Шинель" Гоголя, "Бѣдные люди" Достоевскаго и, наконецъ, его же — завершительный шедевръ — "Бѣсы".) Послѣ этого молодой Достоевскій вошелъ въ кружокъ соціалиста Бѣлинскаго и на короткое время сталъ его ученикомъ. Однако, Бѣлинскій, такъ восторженно встрѣтившій первое произведеніе Достоевскаго, — совершенно не понялъ и не смогъ оцѣнить послѣдующихъ произведеній — "Двойника", гдѣ поразительно точно и правдиво и въ то же время тонко художественно изображалось чрезвычайно рѣдкое состояніе раздвоенія сознанія, и "Хозяйку" — гдѣ впервые были, художественно и психологически вѣрно проанализированы явленія гипноза и внушенія.

Необходимо отмѣтить, съ точки зрѣнія психіатріи, что Достоевскій является единственнымъ въ мірѣ писателемъ, который совершенно правильно изображалъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ — душевныя аномаліи. И мы, психіатры, учимся у него. (См. Проф. В. Чиж-. "Достоевскій, какъ психопатологъ", Академикъ В. М. Бехтеревъ— "Душевныя болѣзни въ художественномъ изображеніи Достоевскаго", Докторъ Т. К. Розенталь — "Страданія и творчество Достоевскаго" и многіе другіе).

Въ кружкѣ Бѣлинскаго Достоевскій пробылъ не долго. Вскорѣ послѣдовалъ неизбѣжный разрывъ, ибо Бѣлинскій и Достоевскій — были идеологическими и психологическими антиподами.

Въ 1918 г. была обнаружена и опубликована неизвѣстная до того и неизданная прозаическая повѣсть Некрасова — "Каменное сердце", гдѣ изображалась психологическая атмосфера, царившая въ кружкѣ Бѣлинскаго. Достоевскій въ повѣсти названъ "Жолкіевскимъ". Нельзя не согласиться съ заключеніемъ К. Мочульскаго: "Расхожденіе Достоевсскаго съ кружкомъ "Современника" и травля Достоевскаго, въ которой участвовали такіе большіе люди, какъ Тургеневъ и Некрасовъ, принадлежатъ къ постыднымъ страницамъ нашей литературной жизни". (К. Мочульскій — "Достоевскій", Парижъ, 1947 г..)

Въ 1846 г. послѣ ссоры и разрыва съ окруженіемъ Бѣлинскаго, Достоевскій сближается съ братьями Бекетовыми и съ литературнымъ салономъ Майковыхъ. Дружба съ поэтомъ Аполлономъ Майковымъ сохранилась на всю жизнь. Это новое общество, въ которомъ велись живыя бесѣды, обсуждались литературныя новости, было спокойнѣе, чѣмъ общество Бѣлинскаго. Здѣсь, (въ домѣ Майковыхъ) Достоевскій могъ вдумчиво и обстоятельно разбирать и анализировать характеры произведеній Гоголя, Тургенева и сравнивать ихъ съ героями своихъ повѣстей.

Послѣ написанія цѣлаго ряда повѣстей, у Достоевскаго возникла идея большого романа. Этотъ романъ былъ "Неточка Незванова". По

замыслу онъ былъ грандіозенъ. Задуманный еще въ 1846 г. — появился въ печати онъ только въ 1849 г., въ "Отечественныхъ запискахъ". Напечатанный отрывокъ, по замыслу автора былъ только прологомъ. Арестъ и ссылка прервали работу, и романъ навсегда остался незаконченнымъ.

Въ 1846 г. Достоевскій знакомится съ Петрашевскимъ и въ 1847 г. входитъ въ его кружокъ. По словамъ одного изъ самыхъ искреннихъ и восторженныхъ петрашевцевъ, Д. Ахшарумова, этотъ кружокъ представлялъ собою "интересный калейдоскопъ разнообразныхъ мнѣній о современныхъ событіяхъ". Поэтому говорить о какомъ-то "заговорѣ петрашевцевъ", требовавшаго единомыслія, — совершенно невозможно. Но изъ кружка Петрашевскаго выдѣлился болѣе радикальный кружокъ Дурова, членомъ, или вѣрнѣе посѣтителемъ котораго, былъ и Достоевскій. Кружокъ Дурова былъ совсѣмъ не такъ невиненъ. Онъ былъ образованъ болѣе революціонно настроенными посѣтителями "пятницъ Петрашевскаго", недовольными умѣренностью большинства. Эта группа стояла за революціонную тактику и своей цѣлью ставила освобожденіе крестьянъ любой цѣной, "хотя бы путемъ восстанія". Кружокъ Дурова образовался осенью 1848 г. Въ него входили: Дуровъ, Спешневъ, Плещеевъ, Пальмъ, Головинскій, Филипповъ, Момбелли, Львовъ, Григорьевъ и Достоевскій. Однако, объ единомысліи всѣхъ членовъ этого кружка — также врядъ ли возможно утверждать. Цѣли и средства, намѣченные и формулированные наиболѣе радикально настроенными членами, не могли раздѣляться членами болѣе умѣренными. Ибо, по мнѣнію первыхъ, цѣль общества — готовить народъ къ восстанію; для этого рѣшено завести тайную типографію. Во главѣ долженъ стоять комитетъ изъ пяти членовъ. Для сохраненія тайны "должно включить въ одномъ изъ параграфовъ пріема угрозу наказанія смертью за измѣну; угроза будетъ еще болѣе скрѣплять тайну, обезпечивая ее". Это напоминаетъ "Катехизисъ революціонера" Нечаева.

Въ "Дневникѣ писателя" за 1873 г., въ главѣ "Одна изъ современныхъ фальшей", Достоевскій искренно сознался: "Нечаевымъ (т. е. олицетвореніемъ бѣса-революціонера), вѣроятно, я бы не могъ сдѣлаться н и к о г д а, но нечаевцемъ, не ручаюсь, можетъ быть и могъ бы... во дни моей юности". Страшное признаніе! Такой роковой моментъ дѣйствительно былъ въ жизни Достоевскаго, когда онъ, уйдя изъ кружка Бѣлинскаго, — попалъ въ кружокъ, сначала Петрашевскаго, а потомъ — Дурова. За время пребыванія Достоевскаго въ этихъ кружкахъ, мы знаемъ два несомнѣнныхъ его г р ѣ х а: 1) чтеніе письма Бѣлинскаго къ Гоголю въ собраніи 15 апрѣля 1849 г.) и, 2) — о которомъ свидѣтельствуетъ Пальмъ: "Когда однажды споръ сошелъ на вопросъ: какъ черезъ возстаніе?" Достоевскій со своей обычной впечатлительностью воскликнулъ: "Такъ хотя бы черезъ возстаніе!"
"ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе,

П. Семеновъ-Тяньшанскій, рѣшительно отрицая революціонность Достоевскаго, все же допускалъ въ немъ возможность "увлеченій". "Рево-

люціонеромъ Достоевскій никогда не былъ, пишетъ онъ, и не могъ быть, но, какъ человѣкъ чувства, могъ увлекаться чувствами негодованія и даже злобою при видѣ насилія, совершаемаго надъ униженными и оскорбленными, что и случилось, напримѣръ, когда онъ увидѣлъ или узналъ, какъ былъ прогнанъ сквозь строй фельдфебель Финляндскаго полка". Дѣйствительно, слова "Хотя бы и черезъ возстаніе" — Достоевскій произнесъ въ состояніи аффективнаго возбужденія, подъ вліяніемъ мучительнаго воспоминанія объ одной сценѣ, которую незадолго до этого, ему лично пришлось увидать: онъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ жестокой экзекуціи, когда на смерть былъ забитъ палками одинъ фельдфебель. Позднѣе, на каторгѣ, Достоевскому пришлось неоднократно быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, что ему, однако, не помѣшало именно на каторгѣ пережить полное перерожденіе своихъ прежнихъ убежденій.

Чрезвычайно знаменательно, что именно въ эти же годы (1846-1849), когда онъ участвовалъ въ кружкахъ Бѣлинскаго, Петрашевскаго и Дурова, Достоевскій писалъ свой романъ "Неточка Незванова". Задача изображенія дѣтства и юности, какъ періодовъ, когда незримо складывается будущая личность взрослаго человѣка, — всегда его интересовала. И въ этой незаконченной повѣсти онъ далъ огромный художественно-психологическій матеріалъ, для педагогической психологіи, о процессѣ истеризаціи личности ребенка подъ вліяніемъ неправильнаго воспитанія и перенесенныхъ тяжкихъ психическихъ травмъ въ детствѣ. Романъ былъ прерванъ, какъ мы указали выше, арестомъ.

Въ ночь съ 22 по 23 апрѣля 1849 г. были арестованы: Петрашевскій и 33 члена его кружка (и кружка Дурова), въ числѣ которыхъ былъ 27-лѣтній геніальный русскій писатель — Ѳ. М. Достоевскій.

О періодѣ своей юности, когда Достоевскій началъ постепенно переходить отъ идеализма романтика Шиллера къ увлеченію идеями французскаго утопическаго соціализма; онъ такъ вспоминаетъ въ "Дневникѣ писателя" за 1873 г.: "Тогда понималось дѣло еще въ самомъ розовомъ и райски-нравственномъ свѣтѣ. Дѣйствительно правда, что зарождавшійся соціализмъ сравнивался тогда, даже нѣкоторыми изъ коноводовъ его, съ христіанствомъ и принимался лишь за поправку и улучшеніе послѣдняго, сообразно вѣку и цивилизаціи"). Соціализмъ, во многихъ его оттѣнкахъ, отъ блѣдно-бѣло-розоваго до явно краснаго, — сталъ временнымъ великимъ соблазномъ для души Достоевскаго.

Соціальныя, политическія, этическія и религіозныя проблемы въ сознаніи Достоевскаго (въ первый, до каторжный періодъ его жизни) представляли собою исключительно сложный и своеобразный сплавъ, въ которомъ извращена была іерархія цѣнностей: гуманистическія этическія цѣнности занимали въ ней первоверховное мѣсто, тогда какъ цѣнности религіозныя — стояли на второмъ. Но въ душѣ Достоевскаго, съ ранняго дѣтства, втеченіе всей жизни сохранилось величайшее сокровище, полученное по наслѣдству отъ матери: живая, неумирающая, безпредѣльная

любовь ко Христу. Эта любовь и спасла его отъ многихъ соблазновъ, въ томъ числѣ и отъ соблазна соціализма. Чрезвычайно характерныя признанія находимъ мы въ извѣстномъ письмѣ Достоевскаго къ женѣ декабриста Фонвизина — Н. Д. Фонвизиной, подарившей ему въ Тобольскѣ Евангеліе. Послѣ освобожденія изъ каторжной тюрьмы Достоевскій ей пишетъ: "Я слышалъ отъ многихъ, что Вы очень религіозны, Н. Д. Не потому, что Вы религіозны, но потому, что самъ пережилъ и прочувствовалъ это, скажу Вамъ, что въ такія минуты жаждешь, какъ "трава изсохшая", вѣры и находишь ее, собственно потому, что въ несчастіи яснѣетъ истина. Я скажу Вамъ про себя, что я дитя вѣка, дитя невѣрія и сомнѣнія до сихъ поръ и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Какихъ страшныхъ мученій стоила и стоитъ мнѣ теперь эта жажда вѣрить, которая тѣмъ сильнѣе въ душѣ моей, чѣмъ болѣе во мнѣ доводовъ противныхъ. И однако же Богъ посылаетъ мнѣ иногда минуты, въ которыя я совершенно спокоенъ; въ эти минуты я люблю и нахожу, что другими любимъ, и въ такія минуты я сложилъ себѣ сѵмволъ вѣры, въ которомъ все для меня ясно и свято. Этотъ сѵмволъ очень простъ; вотъ онъ: вѣрить, что нѣтъ ничего прекраснѣе, глубже, симпатичнѣе, разумнѣе, мужественнѣе и совершеннѣе Христа и не только нѣтъ, но съ ревнивою любовью говорю себѣ, что и не можетъ быть. Мало того, если бы кто мнѣ доказалъ, что Христосъ внѣ истины, то мнѣ лучше бы хотѣлось оставаться со Христомъ, нежели съ истиной". Отсюда можно заключить, что личность Христа, даже не какъ Богочеловѣка, а только какъ идеальная человѣческая личность, — уже давала силу и крѣпость убѣжденіямъ Достоевскаго и помогала ему бороться съ убѣжденіями Бѣлинскаго. Атеистическому соціалистическому гуманизму послѣдняго Достоевскій противопоставлялъ христіанскій гуманизмъ. Но это была не вѣра въ Богочеловѣка-Христа, а любовь къ Христу-человѣку. Хотя онъ и говоритъ про себя, что онъ "дитя вѣка, дитя невѣрія и сомнѣнія" и предполагаетъ, что останется таковымъ навсегда, однако тутъ же признается, что жажда вѣры становится у него тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше у него доводовъ противныхъ. До поры до времени онъ живетъ съ такими противорѣчіями между разумомъ и чувствомъ. И даже допускаетъ кощунственную мысль, что истина можетъ быть внѣ Христа. Правда, и тогда ему Христосъ дороже истины, но здѣсь противорѣчія достигаютъ уже своего предѣла. И, наконецъ, его совѣсть задаетъ ему самому пилатовскій вопросъ — "Что же есть Истина?" Послѣ мучительной борьбы съ самимъ собой, отображенной въ его романахъ, въ которыхъ — въ художественной формѣ высказаны всѣ аргументы "за" и "противъ", — Достоевскій обрѣтаетъ, наконецъ, истиннаго Христа, сказавшаго — "Я есмь Путь и Истина и Жизнь" (Іоан. XIV, 6), — т. е. только во Христѣ находится Путь къ Абсолютной Истинѣ; только Его Слова есть Абсолютная Истина; и только во Христѣ м. б. истинная жизнь. Но христіанства нѣтъ безъ Церкви, основанной Христомъ. Придя къ Истинному Христу, Достоевскій придетъ и къ Истинной, Православной Церкви. Путь Досто-

евскаго былъ чрезвычайно длительный, трудный, мучительный, но однако и терпѣливый, неустанный, цѣленаправленный, честный и поучительный, какъ мы это увидимъ ниже.

Сидя въ крѣпости, во время предварительнаго слѣдствія, Достоевскій написалъ трогательную повѣсть "Маленькій герой", въ которой опять далъ богатѣйшій матеріалъ для педагогической психологіи.

Приговоръ Суда былъ очень жестокій. Всѣ, признанные виновными (въ томъ числѣ и Достоевскій) были приговорены къ смертной казни (разстрѣлу), выведены на Симеоновскій плацъ, въ Петербургѣ, поставлены на эшфотъ и пережили весь невыразимый ужасъ ожиданія смертной казни. Въ послѣдній моментъ казнь была пріостановлена для оглашенія Воли Государя Императора Николая Павловича, пожелавшаго смягчить наказаніе и замѣнить смертную казнь различными сроками каторжной тюрьмы. Достоевскій получилъ сначала 8 лѣтъ каторжныхъ работъ, но позднѣе наказаніе было еще болѣе смягчено Государемъ: "4 года каторги, а потомъ — рядовымъ".

Эшафотъ былъ самой огромной, самой страшной и неисцѣлимой до конца душевной травмой Достоевскаго, болѣе даже глубокой и сильной, чѣмъ перенесенная 10 лѣтъ назадъ (въ 1839 г.) трагическая смерть отца, убитаго крестьянами.

Какъ извѣстно, Достоевскій страдалъ эпилептиформными судорожными припадками, этіологія и характеръ которыхъ долгое время были не выяснены. Эти припадки, по свидѣтельству Григоровича и доктора Яновскаго, начались .у него еще съ ранней юности. Эта болѣзнь Достоевскаго привлекала вниманіе многихъ психіатровъ. О ней писали или говорили: Я. Чистовичъ, П. И. Ковалевскій, В. Ф. Чижъ, В. М. Бехтеревъ, Г. И. Россолимо, Миноръ, Баженовъ, Аменицкій, В. Гиляровскій, Н. А. Юрманъ, А.А. Крогіусъ, А. Г. Ивановъ-Смоленскій, М. Н. Маржецкій, И. М. Андреевскій, Евлаховъ, Г. Трошинъ и друг.

Окончательное разрѣшеніе этого вопроса о характерѣ болѣзни Достоевскаго принадлежитъ врачу психіатру Татьянѣ Кондратьевнѣ Розенталь ("Страданія и творчество Достоевспкаго", въ Сборникѣ "Вопросы изученія и воспитанія личности", 1919 г. №1, подъ редакціей академика В. М. Бехтерева). Глубоко обоснованный діагнозъ доктора Т. К. Розенталь — слѣдующій: Достоевскій страдалъ особой и очень рѣдкой формой такъ наз. "аффективной эпилепсіи", описанной впервые нѣмецкимъ психіатромъ Брацемъ и поддержанной знаменитымъ Крепелиномъ. Позднѣе, эту же форму описалъ нѣмецкій психіатръ Бонхефферъ, назвавъ ее "реактивной эпилепсіей". Это рѣдкое заболѣваніе имѣетъ психогенную этіологію: припадки обусловливаются психическими травмами и наступаютъ, обычно, на высотѣ сильнаго аффекта. Эта рѣдкая форма эпилепсіи, въ отличіе отъ генуинной (врожденной), травматической (послѣ тяжелыхъ травмъ черепа) и другихъ формъ падучей болѣзни, — не ведетъ къ слабоумію. Изъ другихъ патологическихъ чертъ личности Достоевскаго нельзя не упомянуть о болѣзненной его

ревности и о болѣзненной страсти къ рулеткѣ, о которыхъ даетъ исчерпывающія свѣдѣнія вторая жена Достоевскаго Анна Григорьевна въ своихъ "Воспоминаніяхъ".

Свои переживанія при ожиданіи смертной казни Достоевскій отреагировалъ только черезъ 20 лѣтъ, въ своемъ художественномъ творчествѣ (разсказъ кн. Мышкина, въ романѣ "Идіотъ", въ 1869 г.).

Послѣ приговора и инсценировки казни, Достоевскій былъ закованъ въ кандалы (которые носилъ, не снимая, 4 года каторги) и отправленъ въ Сибирь, въ Омскую каторжную тюрьму, куда прибылъ 23 января 1850 г.

По дорогѣ на каторгу, въ Тобольскѣ, онъ получилъ въ подарокъ отъ жены декабриста Н. Д. Фонвизиной, — Евангеліе, которое всѣ годы заключенія имѣлъ съ собой и держалъ подъ изголовьемъ. На каторгѣ Достоевскій перенесъ чрезвычайно тяжелыя физическія и еще болѣе мучительныя нравственныя страданія. Но эти, Богомъ посланныя муки не только не раздавили и не озлобили его, а п р о с в ѣ т и л и и закалили духовно. Именно на каторгѣ, и благодаря каторгѣ, началось медленное перерожденіе его убѣжденій и сложились основы новаго, истинно христіанскаго міровоззрѣнія.

15 февраля 1854 г. Достоевскій вышелъ изъ Омской каторжной тюрьмы и отправился въ Семипалатинскъ, рядовымъ. 1 октября 1856 г. — онъ былъ произведенъ въ прапорщики.

6 февраля 1857 г. въ г. Кузнецкѣ, онъ повѣнчался со своей первой женой Маріей Дмитріевной Исаіевой (послѣ смерти ея перваго мужа). Марія Дмитріевна была по происхожденію француженка, по фамиліи Константъ (ея отецъ былъ сыномъ французскаго эмигранта). Она была чрезвычайно истерична и больна туберкулезомъ. Бракъ былъ несчастнымъ. Начавшись у Достоевскаго неистовой страстью, онъ закончился послѣ 7 лѣтъ совмѣстной жизни только мучительной жалостью.

20 февраля 1857 г. Достоевскіе поселились въ Семипалатинскѣ. Ѳеодоръ Михайловичъ снова началъ писать. Въ 1858 г. онъ закончилъ повѣсть "Дядюшкинъ сонъ" (гдѣ описалъ въ комическомъ духѣ провинціальные нравы) и повѣсть "Село Степанчиково и его обитатели", въ которомъ вывелъ, въ лицѣ ханжи Ѳомы Ѳомича Опискина — типъ русскаго Тартюфа, а въ лицѣ полковника Ростанева — типъ прекраснодушнаго русскаго помѣщика.

Въ "Поученіяхъ" Опискина нельзя не видѣть явной пародіи на "Переписку съ друзьями" Гоголя, какъ это убѣдительно показалъ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи Юрій Тыняновъ ("Гоголь и Достоевскій", къ теоріи пародіи, Петроградъ, 1921 г.). Пародія на Гоголя — своего Учителя — большой грѣхъ Достоевскаго. Въ этомъ актѣ нельзя не видѣть остаточнаго яда, влитаго въ душу Достоевскаго въ свое время — Бѣлинскимъ.

Въ мартѣ 1859 г. Достоевскій получаетъ разрѣшеніе поселиться въ Твери, а въ декабрѣ 1859 г., послѣ 10-ти лѣтняго отсутствія, — возвращается въ Петербургъ.

Впечатлѣнія отъ каторги Достоевскій отреагировалъ въ своихъ замѣчательныхъ "Запискахъ изъ Мертваго Дома" (1860-62гг). Одновременно съ "Записками" онъ писалъ и большой романъ "Униженные и оскорбленные" (напечатанъ въ 1861 г.). Въ этомъ идейно-психологическомъ романѣ — очень много автобіографическаго элемента. Одинъ изъ героевъ этого романа — Иванъ Петровичъ — это самъ Достоевскій въ прошломъ, въ 40-хъ годахъ, вѣрнѣе — это пародія Достоевскаго на самого себя. Но главные герои — другіе. Это — князь Валковскій и его сынъ Алеша. Князь Валковскій — циникъ, развратникъ, у котораго, по собственноу признанію, — "угрызеній совѣсти не было ни въ чемъ". Многія черты его повторятся позднѣе въ образахъ Свидригайлова и Ф. П. Карамазова.

Его сынъ Алеша — "доброе сердце", при отсутствіи ума и воли. Этого героя Достоевскій, между прочимъ, вводитъ въ кружокъ "идеалистовъ-утопистовъ". Въ этомъ образѣ нельзя не видѣть пародіи на членовъ кружка Петрашевскаго, что убѣдительно показалъ въ своемъ изслѣдованіи К. Мочульскій (Достоевскій", Парижъ, 1947 г.). Имена членовъ этого кружка — Левеньки и Бореньки — взяты изъ "Горе отъ ума" Грибоѣдова, на что указалъ А. Бемъ. К. Мочульскій совершенно справедливо говоритъ, что "въ лицѣ Алеши Достоевскій казнитъ свое "невинное" прекраснодушіе 40-хъ годовъ. Послѣ опыта каторги — оно представляется ему сплошнымъ легкомысліемъ, — хлестаковщиной и репетиловщиной".

Въ романѣ "Униженные и оскорбленные" показано циничное торжество зла, когда ему противостоитъ безсиліе гуманистическаго добра.

Въ періодъ 1861-64 гг. Достоевскій, вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ, издаетъ "свой" журналъ: сначала "Время", а затѣмъ "Эпоха".

Лѣтомъ 1862 г. Достоевскій впервые ѣдетъ заграницу. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Висбаденѣ, Баденъ-Баденѣ, Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ (гдѣ встрѣтился съ Герценомъ), въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, Миланѣ, Венеціи, въ Венѣ и другихъ мѣстахъ, объѣхавъ всѣ эти города за 2½ мѣсяца. Въ "Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ" (напечатанныхъ въ 1863 г. въ журналѣ "Время"), онъ разсказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ Европы. Европа ему показалась кладбищемъ.

Въ 1863 г. вспыхиваетъ Польское возстаніе. Въ журналѣ братьевъ Достоевскихъ "Время", въ апрѣльской книжкѣ, появляется злободневная статья Н. Страхова — "Роковой вопросъ", въ которой проводится мысль, что съ поляками бороться внѣшнею силою недостаточно и что побѣда надъ ними должна быть морально оправдана. Хотя статья эта, слабая и неясная, была и патріотическая, тѣмъ не мѣнѣе, именно за эту статью журналъ "Время" былъ закрытъ.

Весной этого же 1863 г. здоровье жены Достоевскаго Маріи Дмитріевны рѣзко ухудшилось, вслѣдствіе чего пришлось ее увезти изъ гибельнаго для туберкулезныхъ больныхъ петербургскаго климата въ г.

Владиміръ. Лѣтомъ 1863 г. — Достоевскій снова уѣзжаетъ заграницу, гдѣ переживаетъ глубокую личную драму — романъ съ Аполлинаріей Прокофьевной Сусловой, типичной шестидесятницей, 23-хъ лѣтней писательницей, поклонницей Герцена, Прудона и... Достоевскаго. Ея тенденціонные разсказы, съ проповѣдью эмансипаціи женщинъ ("Некуда", "До свадьбы", "Своей дорогой") — печатались въ журналѣ "Время". Еще осенью 1861 г. Суслова написала Достоевскому восторженное и въ то же время наивно-поэтическое письмо, результатомъ котораго получился мучительный романъ 40-лѣтняго писателя и редактора "Времени" — со своей 20-лѣтней сотрудницей. Неосторожная, восторженная, идейная, страстная, неопытная дѣвушка искала, повидимому, возвышенной любви, а Достоевскій отвѣтилъ ей страстной влюбленностью. И Суслова становится любовницей писателя, но съ первыхъ же дней тяготится этой связью. Этотъ романъ, длившійся нѣсколько лѣтъ, — слѣдуетъ признать самымъ большимъ грѣхомъ Достоевскаго, тѣмъ болѣе, что его жена, Марія Дмитріевна, была еще жива. Объ этомъ жуткомъ романѣ существуетъ большая литература. (См. "Дневникъ" Сусловой, "Воспоминанія" второй жены Достоевскаго Анны Григорьевны, изслѣдованія Л. Гроссмана, А. Долинина, А. Бема, К. Мочульскаго, В. В. Розанова (который 24-лѣтнимъ студентомъ женился на 40-лѣтней Сусловой, только потому, что она когда-то была въ близкихъ отношеніяхъ съ Достоевскимъ, повторивъ мучительный романъ Достоевскаго и наконецъ, разойдясь съ этой "инфернальной" женщиной). Подробности связи съ Сусловой можно найти въ изданной въ 1953 г. въ издательствѣ имени Чехова, въ Нью-Іоркѣ, книгѣ М. Слонима — "Три любви Достоевскаго". Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ слишкомъ много скабрезностей фрейдовскаго психоанализа и совершенно необоснованныхъ домысловъ автора, и слишкомъ мало серьезнаго научнаго изслѣдованія.

Въ августѣ 1863 г. Суслова уѣзжаетъ въ Парижъ и пишетъ оттуда жестокое письмо: "Я могла тебѣ писать, что краснѣла за наши прежнія отношенія, но въ этомъ не должно быть для тебя новаго, ибо я этого никогда не скрывала и сколько разъ хотѣла прервать ихъ до моего отъѣзда заграницу". Въ другомъ письмѣ она злобно иронизируетъ: "Ты велъ себя, какъ человѣкъ серьезный, занятой, который не забываетъ и наслаждаться на томъ основаніи, что какой-то великій докторъ или философъ увѣрялъ даже, что нужно пьянымъ напиться разъ въ мѣсяцъ".

Вдумчивый и добросовѣстный изслѣдователь Достоевскаго, К. Мочульскій, въ своей книгѣ — ("Достоевскій", Парижъ, 1947 г.) даетъ къ этимъ письмамъ Сусловой интересный и правильный комментарій. Онъ пишетъ — "Быть можетъ Достоевскій былъ, дѣйствительно, виноватъ передъ "идейной" дѣвушкой: охваченный страстью и сладострастіемъ онъ оскорбилъ въ ней человѣка. Любовь ея превращается въ ненависть и она мститъ ему съ утонченной жестокостью". Послѣ этого Мочульскій даетъ анализъ любви Достоевскаго къ первой женѣ Маріи Дмитріевнѣ и сравниваетъ драматическій характеръ этой любви съ драмати-

ческимъ характеромъ любви къ Сусловой: "Мы уже говорили, пишетъ Мочульскій, что первая любовь писателя — къ Маріи Дмитріевнѣ Исаевой кажется исторіей, перешедшей въ жизнь со страницъ романа Достоевскаго. То, что принято называть "достоевщиной" — цѣликомъ заключалось въ судьбѣ его будущей жены. Въ романѣ съ Сусловой дѣйствительность снова предварила вымыселъ. Заграничное путешествіе любовниковъ напоминаетъ драматическую ситуацію, вырванную изъ "Игрока" или "Идіота".

Въ Парижѣ Суслова сходится съ испанцемъ студентомъ-медикомъ Сальвадоромъ, но эта связь скоро обрывается, потому что Сальвадоръ бросаетъ ее. Она озлобляется и хочетъ его застрѣлить. Въ это время пріѣзжаетъ Достоевскій, и между ними происходитъ драматическое объясненіе, которое впослѣдствіи Суслова описала въ своемъ разсказѣ "Чужая и свой". По этому поводу Мочульскій справедливо снова подчеркиваетъ: "Отвергнутый любовникъ Достоевскій утѣшаетъ, уговариваетъ, переходитъ на роль друга и брата. Фабула "Униженныхъ и оскорбленныхъ" (Иванъ Петровичъ — Наташа — Алеша) снова воплощается въ дѣйствительности".

Въ это же время, по дорогѣ въ Парижъ, въ Висбаденѣ, Достоевскій страстно увлекается рулеткой. Съ этого времени начинается длительная новая страсть Достоевскаго къ азартной игрѣ, благодаря которой онъ временами проигрываетъ огромныя деньги, запутывается въ безчисленныхъ долгахъ, закладываетъ цѣнныя вещи, свои и чужія, оказываясь часто въ унизительномъ положеніи, не будучи въ состояніи оплатить отель и питаніе въ немъ.

Объ этой длительной многолѣтней неудержимой страсти мы имѣемъ подробное, до жуткихъ деталей, описаніе въ "Воспоминаніяхъ" второй жены Достоевскаго, Анны Григорьевны, которая, своей глубоко одухотворенной, нѣжной, чуткой, самоотверженной любовью и поразительнымъ терпѣніемъ и выдержкой — чудеснымъ образомъ излѣчила, наконецъ, своего мужа. Романъ Достоевскаго — "Игрокъ" — несомнѣнно имѣетъ автобіографическій характеръ.

1864 г. былъ трагическимъ годомъ въ жизни Достоевскаго: 15 апрѣля умерла отъ чахотки его первая жена Марія Дмитріевна; въ іюлѣ умеръ старшій любимый братъ Михаилъ, а затѣмъ — близкій другъ и сотрудникъ журнала, критикъ Аполлонъ Григорьевъ. Въ маѣ 1865 г. любимый дѣтище Достоевскаго, "свой" журналъ "Эпоха" (замѣнившій закрытый раньше журналъ "Время") — также прекратилъ свое существованіе. Въ послѣдней (февр.) книжкѣ "Эпохи" была напечатана злая сатира на общественныя настроенія 60-хъ годовъ ("Крокодилъ"), въ которой лѣвая критика усмотрѣла (не безъ основанія) пародію на Чернышевскаго, хотя Достоевскій это категорически отрицалъ. (См. "Дневникъ Писателя").

Въ томъ же трагическомъ 1864 году были напечатаны знаменитыя "Записки изъ подполья", являющіяся рѣзкимъ отвѣтомъ на романъ Чер-

нышевскаго "Что дѣлать?": "соціалистическій" "земной рай", "хрустальный громадный домъ", о которомъ мечтаетъ героиня романа "Что дѣлать?" — Достоевскій клеймитъ образами "курятника" и "муравейника". Если "земной рай" соціализма покупается цѣной рабства и превранашимъ заблужденіямъ" — говорилъ Гете. Достоевскій вполнѣ это подпольнаго человѣка, такое "благополучіе" съ негодованіемъ отвергаетъ и проклинаетъ.

Перерожденіе политическихъ убѣжденій Достоевскаго не было мгновеннымъ; наоборотъ, это былъ очень длительный процессъ, находившійся въ тѣснѣйшей связи съ религіозно-нравственнымъ перерожденіемъ. До каторги "религіей" Достоевскаго былъ, какъ мы уже выше указывали, — гуманизмъ. И даже Христа, котораго онъ любилъ съ дѣтства, Достоевскій въ молодости считалъ величайшимъ гуманистомъ.

"Ни къ чему мы не бываемъ такъ рѣзки, какъ къ оставленнымъ нашимъ заблужденіямъ" — говорилъ Гете. Достоевскій вполнѣ это подтвердилъ. Никто съ такимъ гнѣвомъ и негодованіемъ не говорилъ о соціализмѣ, какъ бывшій соціалистъ Достоевскій. Но прозрѣвъ, онъ еще не сразу понялъ, что соціализмъ есть сатанизмъ. Постепенно осознавая это, онъ началъ борьбу съ соціализмомъ и его тончайшими, ядовитыми, подчасъ невидимыми корнями — прежде всего въ своей душѣ, въ закоулкахъ своего ума и своего сердца.

Соціальная проблема, которая всю жизнь мучила Достоевскаго, начала намѣчаться къ разрѣшенію, на основахъ постепенно созидаемой совершенно правильной и ясной іерархіи цѣнностей: высшая цѣнность — религія, затѣмъ нравственность, основанная на религіи, затѣмъ идутъ другія цѣнности, которыя должны основываться на религіозно-нравственныхъ началахъ. И соціальная проблема должна быть разрѣшена исключительно въ свѣтѣ религіозной, именно христіанской нравственности.

"Записки изъ подполья" (1864 г.) — это интродукція въ 5-ти актную трагическую симфонію его послѣднихъ пяти великихъ романовъ: "Преступленіе и наказаніе" (1866 г.), "Идіотъ" (1868-69 гг.), "Бѣсы" (1873 г.), "Подростокъ" (1875 г.), и "Братья Карамазовы" (1880 г.), которые представляютъ собою замаскированную въ художественные образы и длившуюся 15 лѣтъ авторскую исповѣдь.

Для работы надъ романомъ "Игрокъ" (1866). Достоевскому понадобилась стенографистка. Ему порекомендовали Анну Григорьевну Сниткину, способнѣйшую ученицу извѣстнаго преподавателя стенографіи П. М. Ольхина. Отецъ Анны Григорьевны былъ служащій придворнаго вѣдомства Григорій Ивановичъ Сниткинъ. Мать ея (къ этому времени овдовѣвшая) по происхожденію была шведка или финка Марія-Анна Мильтопеусъ.

4 октября 1866 г. Анна Григорьевна начала свою работу стенографистки, а 30 октября — закончила стенографировать "Игрока" и послѣднія страницы "Преступленіе и наказаніе". 8-го же ноября произошло объясненіе въ любви. Ѳеодоръ Михайловичъ сочинилъ цѣлый разсказъ о пожиломъ художникѣ, который полюбилъ молодую дѣвушку, и закончилъ

этотъ разсказъ слѣдующими словами: ...„поставьте себя на минуту на ея мѣсто... Представьте, что этотъ художникъ — я, что я признался вамъ въ любви и просилъ быть моей женой. Скажите, что вы бы мнѣ отвѣтили?"

„Лицо Ѳеодора Михайловича" — сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Григорьевна — выражало такое смущеніе, такую сердечную муку, что я, наконецъ, поняла, что это не просто литературный разговоръ и что я нанесу страшный ударъ его самолюбію и гордости, если дамъ уклончивый отвѣтъ. Я взглянула на столь дорогое мнѣ, взволнованное лицо Ѳеодора Михайловича и сказала: „Я бы вамъ отвѣтила, что люблю и буду любить всю жизнь".

Вѣнчаніе происходило въ Троицкомъ Измайловскомъ соборѣ, въ Петербургѣ, 15 февраля 1867 г. Вскорѣ послѣ свадьбы, неожиданно для Анны Григорьевны раскрылось, что ея мужъ тяжело боленъ падучей болѣзнью. Семья покойнаго брата Ѳеодора Михайловича и пасынокъ Павелъ Исаевъ — отнеслись къ новой женѣ Достоевскаго ревниво и недоброжелательно. Появились кредиторы съ исполнительными листами на большія суммы. И вотъ новобрачные рѣшаются уѣхать отъ всего этого, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ, за-границу. Но путешествіе затянулось на долгое время. „Мы уѣзжали за-границу на три мѣсяца" — вспоминаетъ Анна Григорьевна, — „а вернулись въ Россію черезъ четыре съ лишкомъ года". Для этой поѣздки Анна Григорьевна рѣшила пожертвовать всѣмъ своимъ приданымъ. Она отдала въ залогъ новую мебель, рояль, мѣха, золотыя и серебряныя вещи, выигрышные билеты. За время проведенное заграницей почти все имущество Анны Григорьевны пропало. „Но тамъ", писала впослѣдствіи Анна Григорьевна, „началась для насъ съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ новая счастливая жизнь, которая прекратилась только съ его смертью".

Путешествіе началось съ любимаго Достоевскимъ города Дрездена. Затѣмъ направились въ Баденъ-Баденъ. Затѣмъ слѣдуетъ Базель, Женева. Послѣ лѣта 1868 г., проведеннаго въ Вѣнѣ, Достоевскіе ѣдутъ въ Италію, подолгу живутъ въ Миланѣ и Флоренціи, посѣщаютъ Болонью и Венецію, три дня проводятъ въ Прагѣ, и наконецъ, возвращаются въ любимый Дрезденъ, откуда 5 іюля 1871 года выѣзжаютъ обратно въ Россію.

Достоевскій былъ глубокій знатокъ, любитель и цѣнитель искусства во всѣхъ его родахъ, особенно же (не считая художественной литературы) — живописи. Дрезденская галлерея имъ была изучена основательно. Выше всего онъ цѣнилъ и любилъ знаменитую Мадонну Рафаэля, рядомъ съ которой ставилъ знаменитую картину Тиціана — „Динарій Кесаря".

Но въ скоромъ времени спокойная жизнь въ Дрезденѣ омрачается душевной катастрофой писателя. Достоевскому приходитъ въ голову дикая, навязчивая мысль о томъ, что изъ тяжелаго матеріальнаго положенія, въ которомъ онъ очутился заграницей съ молодой женой, имѣется единственный выходъ — попытать счастья въ игрѣ на рулеткѣ. Для этого нужно поѣхать въ Гомбургъ. 16 мая онъ уѣзжаетъ. Вскорѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ сообщаетъ, что проигралъ все, продалъ часы и

отыгрался. Въ слѣдующемъ письмѣ, 21 мая, — извѣщеніе о новомъ проигрышѣ и просьба прислать на обратную дорогу 20 имперіаловъ. Анна Григорьевна посылаетъ деньги и отправляется на вокзалъ встрѣчать мужа. Но онъ не пріѣзжаетъ, потому что проигралъ полученныя деньги на дорогу, и ему не на что вернуться. Въ унизительныхъ выраженіяхъ онъ проситъ прислать на дорогу еще разъ. "Ангелъ мой, пишетъ онъ, не подумай какъ нибудь, чтобъ я и эти проигралъ. Не оскорбляй меня ужъ до такой степени! Не думай обо мнѣ такъ низко. Вѣдь я человѣкъ! Вѣдь есть же и во мнѣ сколько нибудь человѣческаго!"... 27 мая онъ возвращается угрюмый, подавленный, растерянный, но навязчивая идея о выиграшѣ его не покидаетъ. Онъ обвинаяетъ себя въ неосмотрительности ,нервности, въ игрѣ безъ системы. По его мнѣнію, если играть хладнокровно, разсудительно и расчетливо, то нѣтъ возможности проиграть.... 3 іюля, по полученіи отъ Каткова 500 рублей, — Достоевскіе переѣзжаютъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ имѣется также рулетка. Онъ снова начинаетъ играть. Объ этомъ времени такъ впослѣдствіи вспоминаетъ Анна Григорьевна. "Ѳеодоръ Михайловичъ возвращался съ рулетки блѣдный, изможденный, едва держась на ногахъ, просилъ у меня денегъ (онъ всѣ деньги отдавалъ мнѣ), уходилъ и черезъ полчаса возвращался еще болѣе разстроенный, за деньгами, и это до тѣхъ поръ, пока не проиграетъ все, что у насъ имѣется. Когда идти на рулетку было не съ чѣмъ и неоткуда было достать денегъ, Ѳеодоръ Михайловичъ былъ иногда такъ удрученъ, что начиналъ рыдать, становился передо мной на колѣни, умоляя меня простить его за то, что мучаетъ меня своими поступками, приходя въ крайнее отчаяніе".

Такое мучительно болѣзненное состояніе продолжается у Достоевскаго около мѣсяца. Онъ закладываетъ свое золотое обручальное кольцо, серьги жены и всѣ полученныя деньги проигрываетъ. Клянется, что больше играть не будетъ и, закрывъ лицо руками, плачетъ, какъ ребенокъ. На слѣдующій день снова играетъ, заложивъ свою шубу и пальто жены. За отель не оплачено. Питаются они однимъ чаемъ. Изъ тяжелаго безнадежнаго положенія выручаетъ Гончаровъ, одалживая три золотыхъ, а затѣмъ Катковъ присылаетъ еще 500 рублей. Снова все проиграно... Наконецъ, съ трудомъ отрываясь отъ "проклятаго Бадена", Достоевскій всего съ 70 франками — переѣзжаетъ въ Женеву. Въ своихъ "Воспоминаніяхъ", Анна Григорьевна, описывая рулеточную страсть мужа, прибавляетъ: "Должна отдать себѣ справедливость: я никогда не упрекала мужа за проигрышъ".

Между прочимъ, въ Баденъ-Баденъ у Достоевскаго произошелъ окончательный разрывъ съ Тургеневымъ. (Подробности объ этомъ см. въ книгѣ: Ю. Никольскій — "Тургеневъ и Достоевскій". Исторія одной вражды. Софія, 1921 г.). Достоевскій обвинялъ Тургенева въ атеизмѣ, ненависти къ Россіи и преклоненіи передъ Западомъ.

Примиреніе Достоевскаго съ Тургеневымъ произошло незадолго до

смерти Достоевскаго, на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ 1880 г. Когда Достоевскій, въ своей рѣчи, искренно и тепло отозвался о Тургеневской Лизѣ Калитиной, — тогда Тургеневъ послалъ Достоевскому воздушный поцѣлуй.

Первые годы семейной жизни Достоевскаго омрачились не только падучей болѣзнью и болѣзненной страстью къ рулеткѣ писателя, но еще и другими скорбными событіями. Изъ дрезденскаго "Дневника" Анны Григорьевны мы узнаемъ, что Достоевскій въ это время получалъ послѣднія, передъ окончательнымъ разрывомъ, письма отъ Аполлинаріи Сусловой, которыя попали въ руки Анны Григорьевны. Запись въ дневникѣ объ этомъ событіи характеризуетъ необычайную нравственную чистоту, душевную глубину и жертвенность натуры жены Достоевскаго. Вотъ ея трогательныя, печальныя строки. "Мнѣ было холодно, я дрожала и даже плакала. Я боялась, что старая привязанность возобновится и что любовь его ко мнѣ исчезнетъ. Господи, не посылай мнѣ такого несчастья. Я была ужасно опечалена. Какъ подумаю объ этомъ, у меня сердце кровью обольется! Господи, только не это, мнѣ слишкомъ тяжело будетъ потерять его любовь".

Другою тяжкою скорбью, для четы Достоевскихъ — была смерть трех-мѣсячнаго перваго ребенка, младенца Сонички, послѣдовавшая 24 мая 1868 г. (Въ это время онъ писалъ "Идіота").

По поводу смерти Сонички мы имѣемъ записи Анны Григорьевны и Ѳеодора Михайловича. Анна Григорьевна писала: "Глубоко потрясенная и опечаленная ея кончиною, я страшно боялась за моего несчастнаго мужа: отчаяніе его было бурное, онъ рыдалъ и плакалъ какъ женщина, стоя предъ остывшимъ тѣломъ своей любимицы, и покрывая ее блѣдное личико и ручки горячими поцѣлуями. Обоимъ намъ казалось, что мы не вынесемъ нашего горя... На Ѳеодора Михайловича было страшно смотрѣть, до того онъ осунулся и похудѣлъ за недѣлю болѣзни Сони... Каждый день мы ходили съ мужемъ на ея могилку, носили цвѣты и плакали".

Достоевскій же черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ писалъ Майкову: "Это маленькое трехмѣсячное созданіе, такое бѣдное, такое крошечное — для меня было уже лицо и характеръ. Она начинала меня знать, любить, и улыбалась, когда я подходилъ. Когда я своимъ смѣшнымъ голосомъ пѣлъ ей пѣсни, она любила ихъ слушать. Она не плакала и не морщилась, когда я ее цѣловалъ: она останавливалась плакать, когда я подходилъ. И вотъ теперь говорятъ мнѣ въ утѣшеніе, что у меня еще будутъ дѣти. А Соня гдѣ? Гдѣ эта маленькая личность, за которую я, смѣло говорю, крестную муку приму, только, чтобы она была жива".

Когда Достоевскіе покидали Женеву, оставляя въ ней могилу умершей Сонички, Ѳеодоръ Михайловичъ, на палубѣ грузового парохода разсказалъ Аннѣ Григорьевнѣ, съ трогательными мелкими подробностями, всю свою жизнь, которая представляла собою, по его словамъ, преимущественно цѣлую длинную цѣпь обидъ, оскорбленій, скорбей, несчастій и разочарованій. "Вспоминая, — пишетъ объ этомъ Анна Григорьевна,

— онъ мнѣ разсказалъ про свою печальную одинокую юность послѣ смерти нѣжно имъ любимой матери, вспоминалъ насмѣшки товарищей по литературному поприщу, сначала признавшихъ его талантъ, а затѣмъ жестоко его обидѣвшихъ. Вспоминалъ про каторгу и о томъ, сколько онъ выстрадалъ за четыре года пребыванія въ ней. Говорилъ о своихъ мечтахъ найти въ бракѣ своемъ съ Марьей Дмитріевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: дѣтей отъ Марьи Дмитріевны онъ не имѣлъ, а ея "странный, мнительный и болѣзненно-фантастическій характеръ" былъ причиной того, что онъ былъ съ ней несчастливъ. И вотъ теперь, когда это "великое и единственное человѣческое счастье имѣть родное дитя" посѣтило его и, онъ имѣлъ возможность сознать и оцѣнить это счастье, злая судьба не пощадила его и отняла у него столь дорогое ему существо"...

Живя въ Женевѣ, Достоевскій посѣтилъ состоявшійся тамъ "Международный конгрессъ мира" и слышалъ рѣчь Бакунина. Въ первый разъ въ жизни онъ увидѣлъ крупнѣйшихъ идеологовъ соціализма и міровой революціи. Онъ поразился убогостью ихъ мыслей. Передъ пятитысячной толпой они открыто проповѣдывали необходимость истребленія христіанской вѣры, уничтоженія большихъ государствъ и частной собственности, чтобы "все было общее по приказу". "А главное — огонь и мечъ, и послѣ того, какъ все истребится, то тогда, по ихъ мнѣнію, и будетъ миръ" (см. письмо С. А. Ивановой).

"Международный конгрессъ мира" — далъ Достоевскому много матеріала для будущаго романа "Бѣсы". Бакунинъ въ романѣ превратился въ Ставрогина.

Теперь обратимся къ разбору 5 великихъ романовъ Достоевскаго.

Первымъ великимъ романомъ, который выдвинулъ Достоевскаго на арену всеміріной литературы, былъ романъ — "Преступленіе и наказаніе". Предварительно отмѣтимъ нѣкоторыя основныя особенности психологіи творчества Достоевскаго.

"Страстныя пѣсни и недосказанныя слова" — такъ опредѣлилъ Достоевскій послѣдніе предсмертныя стихи Некрасова (котораго очень высоко цѣнилъ, считая третьимъ великимъ поэтомъ Россіи послѣ Пушкина и Лермонтова).

"Страстность" и "недосказанность" (несмотря на обиліе словъ) были основными чертами творчества Достоевскаго.

"Художникъ мыслитъ образами" — говорилъ Бѣлинскій. Достоевскій былъ прежде всего художникъ слова и мыслилъ преимущественно образами, и даже цѣлыми сценами.

Въ психіатріи существуетъ терминъ "мантизмъ", который означаетъ рѣдкое явленіе необычайнаго наплыва мыслей. Это явленіе не слѣдуетъ смѣшивать съ явленіями такъ называемаго "бѣгства идей", характернаго для маніакальнаго состоянія маніакально-депрессивнаго психоза. Для "мантизма" характерно не быстрота смѣны мыслей, а одновременное появленіе многихъ мыслей. У Достоевскаго часто бывали такіе наплывы

мыслей-образовъ. Они толпились въ его сознаніи, требовали воплощенія въ словѣ, что бывало для него очень тягостно. Достоевскій жилъ въ этомъ мірѣ образовъ, какъ въ мірѣ живыхъ людей. Онъ мысленно бесѣдовалъ съ ними, спорилъ, волновался, иногда доходя до такихъ состояній, которыя извѣстный рускій психіатръ Кандинскій (самъ этимъ страдавшій) — назвалъ "псевдогаллюцинаціями". Главу изъ романа "Братья Карамазовы" — "Чортъ. Кошмаръ Иванъ Ѳеодоровича" — могъ написать Достоевскій только потому, что ему самому были доступны подобныя состоянія.

Понять, расшифровать до конца и перевести "мысли-образы" Достоевскаго на языкъ точныхъ философскихъ и религіозно-философскихъ понятій — очень трудно.

Левъ Толстой и Ф. Ницше считали "Преступленіе и наказаніе" величайшимъ романомъ въ мірѣ. Но Ницше высоко цѣнилъ только первую часть романа (бунтъ и преступленіе Раскольникова), тогда какъ Толстой, наоборотъ, особенно высоко цѣнилъ вторую часть ("наказаніе" и перерожденіе Раскольникова).

Свой романъ "Преступленіе и наказаніе" Достоевскій началъ писать съ осени 1865 г., сначала заграницей, а затѣмъ въ Петербургѣ, при исключительно тяжелыхъ душевныхъ и матеріальныхъ условіяхъ. Въ сентябрѣ этого года онъ пишетъ издателю "Русскаго Вѣстника" М. Н. Каткову:

"Могу ли я надѣяться помѣстить въ Вашемъ журналѣ "Русскій Вѣстникъ" мою повѣсть? Это психологическій отчетъ одного преступленія... Молодой человѣкъ, исключенный изъ университета, мѣщанинъ по происхожденію, и живущій въ крайней бѣдности, по легкомыслію, по шаткости въ понятіяхъ, поддавшись нѣкоторымъ страннымъ, "недоконченнымъ идеямъ", которыя носятся въ воздухѣ, рѣшился разомъ выйти изъ своего сквернаго положенія. Онъ рѣшился убить одну старуху, титулярную совѣтницу, дающую деньги на проценты . . . съ тѣмъ, чтобы сдѣлать счастливою свою мать, живущую въ уѣздѣ, избавить сестру, живущую въ компаньонкахъ у однихъ помѣщиковъ, отъ сластолюбивыхъ притязаній главы этого помѣщичьяго семейства — притязаній, грозящихъ ей гибелью, докончить курсъ, ѣхать заграницу и потомъ всю жизнь быть честнымъ, твердымъ, неуклоннымъ въ исполненіи "гуманнаго долга къ человѣчеству", чѣмъ уже, конечно, "загладится преступленіе", если только можно назвать преступленіемъ этотъ поступокъ надъ старухой, глухой, злой и больной, которая сама не знаетъ, для чего живетъ на свѣтѣ и которая черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, сама собою померла бы . . . Ему совершенно случайнымъ образомъ удается свое предпріятіе и скоро, и удачно.

Почти мѣсяцъ онъ проводитъ послѣ того до окончательной катастрофы. Никакихъ на него подозрѣній нѣтъ и не можетъ быть. Тутъ то и развертывается весь психологическій процессъ преступленія. Неразрѣшимые вопросы возстаютъ передъ убійцею, неподозрѣваемыя и неожиданныя чувства мучаютъ его сердце. Божія правда, земной законъ беретъ свое, и онъ кончаетъ тѣмъ, что принужденъ самъ на себя донести. Принужденъ, чтобъ

хотя погибнуть въ каторгѣ, но примкнуть опять къ людямъ, чувство разомкнутости и разъединенности съ человѣчествомъ, которое онъ ощутилъ тотчасъ же по совершеніи преступленія, замучило его. Законъ правды и человѣческая природа взяли свое. Преступникъ самъ рѣшаетъ принять муки, чтобъ искупить свое дѣло ... "

Подъ "недоконченными идеями", о которыхъ Достоевскій упоминаетъ въ началѣ письма, онъ, очевидно, подразумѣвалъ модную въ то время теорію такъ называемой "утилитарной морали", выводящей все поведеніе человѣка изъ принципа "разумной пользы" (вѣдь, по словамъ Раскольникова, старуха-процентщица "никому не полезна" и "никуда не годна"). Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть выпада противъ Чернышевскаго и его учениковъ, провозвѣстниковъ "утилитарной морали", "разумной пользы", "теоріи разумнаго эгоизма". Совершивъ "разумно полезное" преступленіе, Раскольниковъ, вѣдь, намѣревается "потомъ всю жизнь быть честнымъ, твердымъ, неуклоннымъ въ исполненіи "гуманнаго долга къ человѣчеству".

До насъ дошли три черновыя тетради съ матеріалами о "Преступленіи и наказаніи" (Центрархивъ. Изъ архива Ѳ. М. Достоевскаго. "Преступленіе и наказаніе". Неизданные матеріалы. Приготовилъ къ печати И. Н. Гливенко, Москва-Ленинградъ, 1931 г.). Эти черновые матеріалы чрезвычайно интересны и даютъ яркое представленіе о характерѣ психологіи творчества Достоевскаго, о процессѣ работы надъ "Преступленіемъ и наказаніемъ". Изъ нихъ видно, что основная идея этого романа нѣкоторое время была не вполнѣ ясной для автора. Первоначально главная идея романа была та, которая въ общихъ чертахъ излагалась въ приведенномъ выше письмѣ Достоевскаго къ Каткову въ сентябрѣ 1865 г.

Въ черновыхъ тетрадяхъ мы находимъ указаніе на то, что Достоевскій самъ себѣ хотѣлъ уяснить точную психологическую мотивировку преступленія Раскольникова. "Главная анатомія романа" — такъ Достоевскій назвалъ замѣтку, въ которой ставилъ себѣ задачу "такъ или иначе объяснить все убійство", а уже потомъ изобразить переживанія Раскольникова, которыя заставили его сдѣлать "логическій выходъ къ закону природы и долгу".

Разрѣшая эту задачу. Достоевскій началъ колебаться между двумя мотивировками преступленія. Первая — ясно выражена была въ письмѣ къ Каткову: деньгами убитой онъ хотѣлъ осчастливить свою мать, спасти отъ гибели свою сестру, закончить свое образованіе и потомъ всю остальную жизнь жить честно и тѣмъ "загладить свое преступленіе". Вторая мотивировка — та, которой онъ коротко объясняетъ свое преступленіе Сонѣ: Я хотѣлъ Наполеономъ сдѣлаться, оттого и убилъ". А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: "Я не человѣка убилъ, а я принципъ убилъ". Раскольниковъ разсуждалъ такъ: "Люди, по закону природы, раздѣляются вообще на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), такъ сказать на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и на соб-

ственно людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ своей средѣ новое слово".

Сонѣ Раскольниковъ разъяснилъ свои мысли. Сначала онъ думалъ, какъ бы поступилъ Наполеонъ, если бы ему для его карьеры пришлось бы не черезъ Монбланъ переходить, не Египетъ завоевывать, а убить и ограбить смѣшную старушонку. Долго онъ мучился надъ этимъ вопросомъ, пока не догадался, что для Наполеона тутъ и вопроса преступленія не было бы.

Въ концѣ концовъ Достоевскій соединилъ обѣ мотивировки преступленія въ одной, сложной личности Раскольникова.

Для опроверженія теоріи Раскольникова, Достоевскій подвергаетъ его мучительнымъ душевнымъ страдніямъ, доказывая этимъ, что преступленіе въ себѣ содержитъ и наказаніе. Но эти страданія не обычныя угрызенія совѣсти. Это — интеллектуальныя страданія человѣка-раціоналиста, который ошибся въ своихъ расчетахъ. Это злобная досада на себя за то, что своимъ преступленіемъ онъ доказалъ противоположное тому, что хотѣлъ доказать: онъ не принадлежитъ къ избраннымъ, "сильнымъ", "власть имѣющимъ" дерзать и совершать преступленія людямъ, онъ самъ просто "дрожащая тварь". Наказаніемъ Раскольникову послѣ совершенія преступленія служитъ не только сознаніе, что онъ не принадлежитъ къ "особому разряду" людей, но и состояніе моральнаго одиночества, этическаго солипсизма, полнаго отчужденія отъ всѣхъ людей, отъ всего міра. Особенно остро онъ это пережилъ при встрѣчѣ съ матерью и сестрой. Въ черновыхъ тетрадяхъ мы находимъ такой душевный вопль: "Теперь всю жизнь одинъ! Одинъ съ женой, одинъ и съ людьми, одинъ всегда".

Излагая въ письмѣ къ Каткову замыселъ романа, Достоевскій писалъ, что "Божья правда" беретъ свое и понуждаетъ убійцу донести на себя. Но въ романѣ, Раскольниковъ, донося на себя, еще не знаетъ этой "Божьей правды" и приходитъ къ ней лишь на каторгѣ, подъ вліяніемъ Сони, которая воистину становится "служителемъ его Ангела-Хранителя" и чудеснымъ образомъ спасаетъ Раскольникова отъ духовной смерти.

Романъ Раскольникова съ Соней Мармеладовой — совершенно исключительное, геніальное, единственное во всей міровой литературѣ столкновеніе двухъ замѣчательныхъ личностей, двухъ родныхъ антиподовъ, двухъ изумительныхъ характеровъ, двухъ глубоко одинокихъ душъ, преступившихъ моральныя нормы, одержимаго отвлеченной идеей убійцы и блудницы поневолѣ, которые, по великой неисповѣдимой милости Господней, черезъ великія личныя страданія и глубочайшее состраданіе другъ къ другу, — пришли, наконецъ, къ простой и ясной, какъ чистое голубое небо, "Божьей Правдѣ", заключающейся въ великомъ Таинствѣ Любви, ибо Богъ и есть Любовь.

Чистое, доброе, женское сердце Сони согрѣло холодное сердце Раскольникова. На всѣ его умственныя отвлеченныя разсужденія, Соня отвѣчала словами, шедшими изъ глубины ея религіознаго чувства. Приве-

демъ только одинъ примѣръ такого діалога Раскольнивскаго ума съ Сонинымъ сердцемъ. (Примѣръ — въ черновыхъ тетрадяхъ Достоевскаго). "Ну-съ, такъ вотъ, говоритъ онъ ей, если бы вдругъ все это теперь на ваше рѣшеніе отдали: этому или тѣмъ жить на свѣтѣ, т. е. Лужину ли жить и дѣлать мерзости или умереть Екатеринѣ Ивановнѣ?" Подобный вопросъ Раскольниковъ уже задавалъ самому собѣ — кому умереть: ему, сестрѣ Дунѣ и матери — или старухѣ-ростовщицѣ, и отвѣтилъ на него: старухѣ умереть. Но Соня отвѣчаетъ иначе: "Да вѣдь я Божьяго Промысла знать не могу... И кто меня тутъ судьей поставилъ, кому жить, кому не жить". Замѣчательный, строго православный отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ не только защита своего убѣжденія, но и глубочайшая и сокрушительная критика и осужденіе "принципіальнаго убійцы", ибо отказываясь отъ суда, она морально осуждаетъ того, кто смѣетъ судить Промыселъ Божій. Но вся ситуація осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Соня тоже имѣла въ своей жизни трудный вопросъ — кому пострадать: умереть ли отъ голода и нищеты всей ея семьѣ или самой пасть и вступить на путь проституціи? Раскольниковъ убилъ процентщицу, а Соня — пожертвовала собой. "Можно великимъ быть и въ смиреніи" — говорила Раскольникову Соня.

Раскольниковъ и Соня полюбили другъ друга и этой любовью исцѣлили свои одинокія души. Двѣ личности дополнили другъ друга въ трогательной гармоніи истиннаго человѣческаго счастья. Великое женское счастье Сони заключалось въ томъ, что она спасла своего любимаго отъ духовной смерти, а такое же великое мужское счастье Раскольникова заключалось въ томъ, что онъ любилъ такую свѣтлую, чистую, святую женскую душу и любимъ ею. Оба осознали свое подлинное счастье, какъ чудо милости Божьей.

Данте утверждалъ, что истинная любовь не можетъ не быть взаимной. Раскольниковъ и Соня полюбили другъ друга подлинной истинной любовью, которая не могла не быть взаимной. ,

Сложный, глубокій, тонкій, нѣжный какъ утренняя заря, процессъ полнаго перерожденія Раскольникова Достоевскій только намѣтилъ, въ концѣ романа, только указалъ на него ,только обѣщалъ намъ его, но ясно и полно не показалъ. Поэтому многіе изслѣдователи (напримѣръ, Мочульскій) выражаютъ сомнѣніе въ возможности перерожденія Раскольникова, а другіе (напр. А. С. Долининъ) сомнѣваются даже въ перерожденіи и самого Достоевскаго. Но это глубоко невѣрно. Достоевскій цѣломудренно воздержался подробно анализировать интимныя, благоуханныя, благодатныя, святыя чувства. Вспомнимъ нѣжно-скупыя и чутко-осторожныя слова Достоевскаго въ концѣ романа, когда Раскольниковъ, на каторгѣ, послѣ болѣзни, полюбивъ Соню, — упалъ къ ея ногамъ.

"Они оба были блѣдны и худы; но въ этихъ больныхъ и блѣдныхъ лицахъ уже сіяла з а р я обновленнаго будущаго, п о л н а г о в о с к р е с е н і я в ъ н о в у ю ж и з н ь".

Объ огромной работѣ надъ "Преступленіемъ и назаніемъ" и трудныхъ условіяхъ жизни въ это время, — можно заключить по письму Достоевскаго къ своему другу Врангелю: "Въ концѣ ноября (1865 г.) было много написано и готово: я все сжегъ; теперь въ этомъ можно признаться. Мнѣ не понравилось самому. Новая форма, новый планъ меня увлекъ, и я началъ сызнова. Работаю я дни и ночи и всетаки работаю мало. Романъ есть дѣло поэтическое, требуетъ для исполненія спокойствія духа и воображенія. А меня мучатъ кредиторы, т. е. грозятъ посадить въ тюрьму". Кромѣ кредиторовъ, Достоевскаго мучали и редакторы "Русскаго Вѣстника", Катковъ и Любимовъ. Они требовали отъ него многихъ существенныхъ измѣненій, на которыя онъ соглашался съ большимъ трудомъ. Посылая исправленное, онъ писалъ: "А теперь до васъ величайшая просьба моя: ради Христа оставьте все остальное, какъ есть теперь". Но Катковъ всетаки вычеркнулъ рядъ строкъ "относительно характера и поведенія Сони". Самъ Достоевскій, въ концѣ концовъ былъ своей работой удовлетворенъ, что видно изъ письма его, въ апрѣлѣ 1866 г., къ своему новому другу, священнику Висбаденской Русской Православной церкви о. И. Янышеву (впослѣдствіи крупному русскому православному богослову, протопресвитеру, ректору и профессору Нравственнаго Богословія Петербургской Духовной Академіи): "...Надо замѣтить, что романъ мой удался чрезвычайно и поднялъ мою репутацію, какъ писателя. Вся моя будущность въ томъ, чтобъ кончить его хорошо".

Талантливый русскій философъ и религіозный мыслитель проф. С. А. Аскольдовъ (1871-1945 гг.) былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ комментаторовъ Достоевскаго (см. его работы: "Религіозно-этическое значеніе Достоевскаго", сборникъ "Ѳ. М. Достоевскій", подъ редакціей А. С. Долинина, Петербургъ, 1922 г. Сборникъ 1-й; "Психологія характеровъ у Достоевскаго", Ленинградъ, 1924 г., Сборникъ 2-й). Кромѣ этихъ трудовъ о Достоевскомъ, Аскольдовъ способствовалъ расшифровкѣ и переводѣ "мыслей-образовъ" Достоевскаго на языкъ религіозно-философскихъ понятій въ своемъ чисто теоретическомъ изслѣдованіи проблемы іерархіи цѣнностей и проблемы — "О связи добра и зла" ("Христіанская мысль", Кіевъ, 1916). Аскольдовъ устанавливаетъ такую схему. Существуетъ Абсолютное Добро — (Богъ) и Абсолютное (вѣрнѣе максимальное) Зло — (дьяволъ). Затѣмъ слѣдуетъ различать первичное добро, — религіозное добро, питающееся изъ источника Абсолютнаго Добра, и первичное зло — религіозное зло, инспирируемое дьяволомъ и питающееся изъ источника максимальнаго зла. Кромѣ этого слѣдуетъ различать вторичное, второстпенное, чисто гуманистическое добро и вторичное, второстепенное, чисто гуманистическое зло. Если христіанину необходимо слѣлать выборъ изъ двухъ положеній, когда въ обоихъ имѣется слитое вмѣстѣ добро и зло, то слѣдуетъ выбирать тотъ слитокъ, въ которомъ находится первичное добро, несмотря на то, что съ нимъ неразрывно связано и вторичное, второстепенное зло. А тотъ слитокъ, въ которомъ находится пер-

вичное зло — слѣдуетъ отвергнуть, несмотря на то, что съ нимъ неразрывно связано вторичное, второстепенное добро. Дьяволъ, чтобы обмануть и соблазнить насъ, — прибѣгаетъ къ слѣдущему пріему. Въ первомъ слиткѣ, гдѣ имѣется первичное, первостепенное добро, связанное, соединенное, слитое со вторичнымъ зломъ, — дьяволъ всячески старается скрыть отъ насъ, завуалировать первичное добро, отвлечь отъ него наше вниманіе, и, наоборотъ, подчеркиваетъ слитое съ нимъ вторичное зло, возмущается имъ, и, призываетъ къ борьбѣ съ нимъ, для чего предлагаетъ отвергнуть весь слитокъ, чтобы ни въ коемъ случаѣ не допустить первичнаго добра. Во второмъ же случаѣ, гдѣ въ слиткѣ имѣется первичное зло, соединенное со вторичнымъ, второстепеннымъ добромъ, — дьяволъ прежде всего вуалируетъ первичное зло, прячетъ его, отвлекаетъ отъ него наше вниманіе, и, наоборотъ, подчеркиваетъ слитое съ нимъ вторичное, второстепенное ,чисто только гуманистическое добро, рекламируетъ его, восхищается имъ, проповѣдуетъ его, выставляетъ на показъ, и — предлагаетъ принять именно этотъ слитокъ, т. е. такой, въ которомъ подъ маской второстепеннаго добра спрятано первичное зло. И, какъ рыба, хватая червяка, попадается на крючокъ, такъ многіе попадаются на этотъ соблазнъ и, — уничтожаютъ первичное религіозное добро только потому, что къ нему прилипло, пристало вторичное, второстепенное зло, а вмѣсто отвергнутаго первичнаго добра принимаютъ первичное зло, слитое со второстепеннымъ, чисто гуманистическимъ только добромъ.

Раскольниковъ, въ романѣ Достоевскаго, разсуждалъ такъ: убивъ процентщицу, вредную, никому не нужную старуху, которая и сама то должна скоро умереть, — онъ на ея деньги сдѣлаетъ много добра (поможетъ матери, сестрѣ, сможетъ самъ закончить образованіе и т. п.). Конечно, и по его разсужденію, убійство есть преступленіе, т. е. зло, но зло небольное, незначительное, по сравненію съ тѣмъ добромъ, которое онъ собирается сдѣлать. Роковая ошибка Раскольникова заключалась въ томъ, что онъ первичное зло (нарушеніе заповѣди Божьей — "не убій") считалъ зломъ второстепеннымъ, а вторичное добро (помощь матери, сестрѣ и себѣ) — добромъ первостепеннымъ. Истина же заключалась въ томъ, что убійство было зломъ первостепеннымъ, а добро, купленное цѣною этого убійства, добромъ второстепеннымъ.

Соціальные мотивы преступленія Раскольникова позволяютъ намъ разсматривать это преступленіе, какъ своего рода символъ русской октябрьской революціи (пророкомъ которой былъ Достоевскій). Государственный строй Царской Россіи представлялъ собою соединеніе первичнаго добра и вторичнаго, второстепеннаго зла. А революція несла на своихъ знаменахъ второстепенное добро (обѣщаніе якобы благодѣтельныхъ соціально-политическихъ реформъ) и несомнѣнное первостепенное зло (уничтоженіе Религіи и Церкви, какъ основы Русской Государственности).

Свой мучительный романъ съ Аполлинаріей Сусловой и свое страстное увлеченіе рулеткой Достоевскій отреагировалъ въ своемъ несомнѣнно автобіографическомъ романѣ "Игрокъ". Отъ героини романа Полины (со-

хранено имя Аполлинаріи Сусловой) идутъ образы другихъ "фатальныхъ женщинъ" его романовъ: Настасьи Филипповны и Аглаи изъ романа "Идіотъ", Катерины Ивановны и Грушеньки — изъ "Братьевъ Карамазовыхъ".

Въ письмѣ къ Майкову отъ 12 января 1868 г. Достоевскій, между прочимъ, пишетъ: "...Всегда въ головѣ и въ душѣ у меня мелькаетъ и даетъ себя чувствовать много зачатій художественныхъ мыслей. Но вѣдь только мелькаетъ; а нужно полное воплощеніе, которое всегда происходитъ нечаянно и вдругъ, но расчитывать нельзя, когда именно оно произойдетъ: и затѣмъ уже получивъ въ сердцѣ полный образъ, можно приступить къ художественному выполненію. Тутъ ужъ можно даже и расчитывать безъ ошибки ..." Это очень характерное признаніе писателя о психологіи своего творчества. Черновики подтверждаютъ этотъ процессъ. Идея произведенія рождается сразу во множествѣ замысловъ (явленіе "мантизма" — наплыва мыслей-образовъ), которые толпятся и борются между собою, пока, въ минуту особаго вдохновенія, получается "въ сердцѣ полный образъ". Изъ черновыхъ тетрадей романа "Идіотъ", видно, что образъ "идіота" сначала былъ совершенно непохожій на окончательный, который зафиксированъ въ каноническомъ послѣднемъ текстѣ. Среди образовъ первоначальнаго замысла, когда эти образы толпились и боролись между собою, мы находимъ самые невѣроятные психологическіе типы "идіота": то это гордая личность, духовный братъ Раскольникова, то типъ родственный Аркадію Долгорукову, то онъ приближается къ типу Рогожина, то приближается къ герою разсказа "Кроткая", то онъ — злодѣй Яго (шекспировскій), то типъ злодѣя, который кончаетъ божественно и т. д. Подобныя метаморфозы представлятъ собою и другія лица романа "Идіотъ". Наконецъ найденъ окончательный образъ, "полное воплощеніе", которое, по словамъ Достоевскаго", всегда происходитъ нечаянно". Таково совершенно исключительное явленіе психологіи творчества Достоевскаго. Наиболѣе ярко проявилось это сложное явленіе въ процессѣ именно образа "идіота" — князя Мышкина.

Въ выше указанномъ письмѣ Достоевскаго къ Майкову, отъ 12 января 1868 г., имѣются чрезвычайно цѣнныя строки, искренно и подробно раскрывающія великія тайны творчества, м. б. одного изъ самыхъ геніальныхъ писателей въ мірѣ ,съ которымъ могутъ сравниться только Шекспиръ и Пушкинъ. Приведемъ обширныя цитаты изъ этого письма къ Майкову.

"Я сталъ мучиться выдумываніемъ н о в а г о р о м а н а. Я думалъ отъ 4-го до 18 декабря новаго стиля включительно. Среднимъ числомъ, я думаю, выходило плановъ по шести (не мѣнѣе) ежедневно. Наконецъ, 18 декабря я сѣлъ писать новый романъ, 5-го января (нов. стиля) я отослалъ въ редакцію пять главъ первой части (листовъ около 5-ти), съ удостовѣреніемъ, что 10 января (новаго стиля) вышлю остальныя двѣ главы первой части. Вчера, 11-го числа, я выслалъ эти двѣ главы и та-

кимъ образомъ отослалъ всю первую часть — листовъ 6 или 6½ печатныхъ. Въ сущности, я совершенно не знаю самъ, что я такое послалъ. Но сколько могу имѣть мнѣнія — вещь не очень то казистая и отнюдь не эффектная. Давно уже меня мучила одна мысль, но я боялся изъ нея сдѣлать романъ, потому что мысль слишкомъ трудная, и я къ ней неприготовленъ, хотя мысль вполнѣ соблазнительная, и я люблю ее. Идея эта — изобразить вполнѣ прекраснаго человѣка. Труднѣе этого, по моему, быть ничего не можетъ, въ наше время особенно... Идея эта и прежде мелькала въ нѣкоторомъ художественномъ образѣ, но вѣдь только въ нѣкоторомъ, а надобно полный. Только отчаянное положеніе принудило меня взять эту невыношенную мысль. Рискнулъ, какъ на рулеткѣ: "можетъ быть, подъ перомъ разовьется".

Чрезвычайно примѣчательно, что письмо это написано послѣ того, какъ авторъ уже отослалъ въ редакцію всю первую часть романа. Образъ князя Мышкина былъ ему еще неясенъ и дальнѣйшее развитіе неизвѣстно. Окончательный цѣлостный образъ главнаго героя долженъ былъ развиться только въ процессѣ писанія романа. Міръ законченныхъ полныхъ художественныхъ образовъ Достоевскаго живетъ какъ бы своей собственной жизнью. Это самое характерное въ психологіи его творчества.

На другой день послѣ письма къ Майкову, Достоевскій пишетъ письмо своей любимой племянницѣ С. А. Ивановой (1/13 января 1868 г.): "Главная мысль романа — изобразить положительно прекраснаго человѣка. Труднѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ и особенно теперь. Всѣ писатели, не только наши, но даже всѣ европейскіе, кто только брался за изображеніе положительно прекраснаго ,всегда пасовалъ. Потому что эта задача — безмѣрная. Прекрасное есть идеалъ ,а идеалъ ни нашъ, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свѣтѣ есть только одно положительно прекрасное лицо — Христосъ, такъ что явленіе этого безмѣрно, безконечно прекраснаго лица — ужъ, конечно, есть безконечное чудо. (Все Евангеліе Іоанна въ этомъ смыслѣ: оно все чудо находитъ въ одномъ воплощеніи, въ одномъ появленіи прекраснаго). Но я слишкомъ далеко зашелъ. Упомяну только, что изъ прекрасныхъ лицъ въ литературѣ христіанской стоитъ всего законченнѣе Донъ Кихотъ; но онъ прекрасенъ единственно потому, что въ то же время и смѣшонъ. Пикквикъ Диккенса (безконечно слабѣйшая мысль, чѣмъ Донъ Кихотъ, но всетаки огромная) тоже смѣшонъ и тѣмъ только и беретъ. Является состраданіе къ осмѣянному и не знающему себѣ цѣны прекрасному — а, стало быть, является симпатія въ читателяхъ. Это возбужденіе состраданія и есть тайна юмора. Жанъ Вальжанъ тоже сильная попытка, но онъ возбуждаетъ симпатію по ужасному своему несчастью и несправедливости къ нему общества. У меня нѣтъ ничего подобнаго, ничего рѣшительно, и потому боюсь страшно, что будетъ положительная неудача... Вторую часть, за которую сажусь сегодня, окончу въ мѣсяцъ (я и всю жизнь такъ работаю). Мнѣ кажется, что она будетъ покрѣпче и покапитальнѣе первой". Романъ былъ законченъ въ февралѣ 1869 г. 25 января Достоевскій пишетъ С. А. Ива-

новой: "Теперь онъ (романъ "Идіотъ") конченъ, наконецъ! Послѣднія главы я писалъ день и и ночь съ тоской и безпокойствомъ ужаснѣйшимъ... Романомъ я недоволенъ; онъ не выразилъ и десятой доли того, что я хотѣлъ выразить, хотя всетаки я отъ него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сихъ поръ" .

Въ романѣ "Идіотъ" упоминаются Донъ Кихотъ и "Бѣдный рыцарь" Пушкина. Послѣднее стихотвореніе было однимъ изъ самыхъ любимыхъ стихотвореній Достоевскаго. Образъ князя Мышкина — затмилъ всѣ предыдущія попытки созданія "положительнаго прекраснаго человѣка" во всей всемірной литературѣ, но автора онъ не удовлетворилъ. По черновымъ тетрадямъ романа "Идіотъ" видно, что Достоевскій, въ концѣ концовъ, хотѣлъ придать образу князя Мышкина какъ можно больше чертъ "христоподобія": состраданіе, всепрощеніе, самоотверженная христіанская любовь ко всѣмъ людямъ, мудрость юродства (которую такъ хорошо поняла и оцѣнила Аглая), самопожертвованіе, подлинное окончательное христіанское смиреніе. По поводу послѣдняго, въ черновикахъ имѣется такая запись: "Смиреніе — самая страшная сила, какая только можетъ на свѣтѣ быть!" Но въ то же время смиренный герой, по мысли Достоевскаго, долженъ быть не святымъ, а простымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ. Чтобы придать жизненный характеръ такому образу и не сдѣлать изъ него абстрактный нежизненный типъ "идеальнаго человѣка", — Достоевскій надѣляетъ князя Мышкина человѣческими слабостями: непрактичностью, нетактичностью, наивностью, чудачествомъ, инфантильностью, чертами "Иванушки-дурачка" — русскихъ народныхъ сказокъ, безпомощностью, безсиліемъ въ борьбѣ со зломъ. Князь Мышкинъ — "идіотъ". Слово "идіотъ" — значитъ "отдѣльный", "особый", "одинокій", "странный". Онъ — скудоуменъ "низшимъ умомъ, но главный" его умъ, по опредѣленію Аглаи, — "лучше, чѣмъ у всѣхъ, такой даже, какой имъ и не снился". Князь Мышкинъ духовно прекрасенъ. Но его не понимаютъ окружающіе. Правда, на короткое время, всѣ съ нимъ соприкасающіеся становятся какъ будто лучше (даже такіе проходимцы какъ Келлеръ и Бурдовскій), но въ конечномъ результатѣ — никто не можетъ стать ни его другомъ, ни его послѣдователемъ. Всѣ окружающіе его охватываются вихрями страстей, отталкиваются отъ него, временами ненавидятъ, хотятъ погубить, губятъ при этомъ другъ друга, духовно и физически, и, наконецъ, сама жизнь (трагическая жизненная ситуація) губитъ несчастнаго "идіота". Князь Мышкинъ одинокъ, непонятенъ, страненъ, потому что онъ совершенно несозвученъ міру. Его жизнь, въ концѣ концовъ — бездѣятельная и безрезультатна. Мышкинъ нарушаетъ "категорическій императивъ Канта" ("поступай такъ, чтобы правило твоей личной воли могло служить вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ всеобщаго законодательства"), ибо онъ поступаетъ такъ, какъ другіе поступать совершенно не могутъ. Непостижное міру "добро" князя Мышкина вызываетъ безплодныя желанія у окружающихъ, а потому только мучаетъ и озлобляетъ ихъ.

Въ трагедіи Пушкина — "Моцартъ и Сальери" — Сальери такъ мотивируетъ свое убійство Моцарта: "Какъ нѣкій херувимъ занесъ онъ нѣсколько къ намъ пѣсенъ райскихъ, чтобъ возмутивъ безкрылыя желанья, въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть... Такъ улетай же! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше".

По этимъ же мотивамъ міръ, "во злѣ лежащій", мститъ князю Мышкину и убиваетъ его.

Но, повторяемъ, "Идіотъ" не удовлетворилъ Достоевскаго. Таково ли дѣйствительно должно быть добро въ жизни? Нѣтъ, добро не безсильно! Добро — дѣятельная, творческая сила. Оно имманентно міру и должно быть дѣйственно на землѣ. "Положительно прекрасный человѣкъ" долженъ быть другимъ. Этого "другого" Достоевскій выводитъ сначала въ образѣ архіерея Тихона, въ романѣ "Бѣсы", затѣмъ въ образѣ странника Макара Ивановича въ романѣ "Подростокъ", и, наконецъ, въ образѣ старца Зосимы и его ученика и послушника — Алеши Карамазова (въ романѣ "Братья Карамазовы").

Прообразомъ архіерея Тихона, и старца Зосимы — былъ несомнѣнно святитель Тихонъ Задонскій (причисленный къ лику святыхъ въ 1858 году), писанія котораго произвели на Достоевскаго глубокое впечатлѣніе и про котораго онъ писалъ А. Н. Майкову — "Правда, я ничего не создамъ, я только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ".

(Между прочимъ, одновременно и независимо отъ романа "Идіотъ", въ томъ же 1868 г. появилась драма графа А. К. Толстого — "Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ". Князь Мышкинъ и Царь Ѳеодоръ похожи другъ на друга какъ родные братья.)

Ища образъ "положительно прекраснаго человѣка", Достоевскій одновременно ищетъ и образы "максимально отрицательныхъ типовъ людей", въ которыхъ персонифицируется Зло міра. Кто мѣшаетъ Добру? Кто ненавидитъ его? Кто сѣетъ плевелы между пшеницей? Кто клевещетъ на Истину и стремится губить праведниковъ, уничтожать лучшихъ? Конечно "клеветникъ", "отецъ лжи", "человѣкоубійца искони" — дьяволъ. Но черезъ кого и какъ?

Послѣ эшафота, на каторгѣ, въ кандалахъ, на нарахъ, "причтенный къ злодѣямъ", въ первую каторжную ночь въ "Мертвомъ Домѣ", въ страшныя, тяжкія минуты глубокаго душевнаго кризиса, въ смятеніи ума и сердца, на грани полнаго отчаянія, — обращается Достоевскій ко Христу съ молитвеннымъ воплемъ о вразумленіи, прощеніи и спасеніи, — и открываетъ Евангеліе, подаренное ему женой декабриста Фонвизина. И ему открылось слѣдующее мѣсто:... "И они (бѣсы) вышедши пошли въ стадо свиное. И вотъ, все стадо свиней бросилось съ крутизны въ море и погибло въ водѣ" (Матѳ. 8, 32). Изъ этого сѣмени, черезъ 20 съ лишкомъ лѣтъ — выросъ романъ "Бѣсы".

Критикъ А. Волынскій назвалъ романъ "Бѣсы" — "книгой великаго гнѣва". Въ этомъ романѣ Достоевскій показалъ, какъ "бѣсы" вхо-

дять въ нѣкоторыхъ людей, и какъ тогда эти люди становятся подобными свиньямъ, бросающимся въ море зла, и гибнутъ, увлекая за собой массы другихъ людей.

Соціальная проблема въ сознаніи Достоевскаго становится до ужаса ясной. Эта проблема прежде всего проблема религіозная: революція — первичное, религіозно-соціальное зло (ср. схему Аскольдова).

Шизоидный психопатъ, атеистъ и матеріалистъ Ставрогинъ и либералъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій — духовно и физически порождаютъ Петра Верховенскаго, организатора революціи. Затѣмъ приходитъ діалектикъ и теоретикъ революціи—"геніальный" Шигалевъ. Позднѣе, въ романѣ "Братья Карамазовы" Достоевскій создаетъ образъ Смердякова — обезьяны и лакея мыслей Ивана Карамазова (тоже раціоналиста). Смердяковы, вмѣстѣ съ Ѳедьками-каторжниками — главные исполнители революціи на практикѣ. Послѣ Достоевскаго, русскую, такъ называемую "соціальную" революцію — нельзя уже опредѣлять иначе, какъ съ помощью понятій: "верховенщина", "шигалевщина", "смердяковщина" и, наконецъ, — "бѣсовщина".

До насъ дошли черновыя тетради (№№ 1, 2. 3 и 4), представлящія собою подготовительные матеріалы къ роману "Бѣсы". Этихъ матеріаловъ не меньше, чѣмъ къ роману "Идіотъ". Явленіе "мантизма", о которомъ было указано выше, ясно бросается въ глаза и при изслѣдованіи черновиковъ къ "Бѣсамъ". Масса образовъ толпится передъ духовнымъ окомъ Достоевскаго пока не вырисовываются полные, цѣльные окончательные образы цѣлостнаго романа.

Образъ "положительно-прекраснаго человѣка" — архіерея Тихона — къ сожалѣнію въ каноническій печатный текстъ романа не попалъ. Это отразилось и на композиціи романа и на идейной цѣлостности его. Вѣдь архіерей Тихонъ долженъ былъ противостоять Ставрогину. Образу максимальнаго зла долженъ былъ противостоять образъ свѣтлаго добра. Редакторы романа — Катковъ и Любимовъ — главу "у Тихона" не пропустили, благодаря чему основная религіозная идея романа осталась неясной.

Достоевскій считается создателемъ новой формы "романа-трагедіи", который началъ вырабатываться въ "Преступленіи и наказаніи", развивался въ "Идіоте" и достигъ совершенства въ "Бѣсахъ". Послѣдніе романы — "Подростокъ" и "Братья Карамазовы" также могутъ считаться романами-трагедіями. Въ пяти послѣднихъ романахъ Достоевскаго содержится огромное, можно сказать неисчерпаемое количество глубочайшихъ религіозно-философскихъ идей и цѣлостныхъ идеологій, почему эти романы и принято называть "идеологическими романами". Въ романахъ Достоевскаго мы наблюдаемъ діалектическія столкновенія цѣлостныхъ міровоззрѣній, обычно представленныхъ въ живыхъ образахъ . . . Поэтому, романъ Достоевскаго, въ концѣ концовъ можно опредѣлить, какъ "Иделогическій романъ-трагедія, въ діалектикѣ живыхъ художественныхъ образовъ".

Прекрасный анализъ образа "теоретика революціи" Шигалева мы

находимъ въ трудѣ серьезнаго, вдумчиваго изслѣдователя творчества Достоевскаго, — К. Мочульскаго, въ указанной выше его книгѣ: "Достоевскій", Парижъ, 1947 г. Приведемъ цитату изъ этого большого труда. "Въ процессѣ работы надъ романомъ ("Бѣсы), пишетъ Мочульскій, изъ фигуры Петра Верховенскаго выдѣлился его дополнительный образъ — Шигалевъ. За "мелкимъ бѣсомъ" (Верховенскимъ), шныряющимъ, хихикающимъ и суетливымъ, стоитъ грузный, неуклюжій и ласмурный чортъ. Верховенскій — легкомысленный Хлестаковъ отъ революціи, Шигалевъ — тяжеловѣсный Сабакевичъ. Характеризованъ этотъ теоретикъ разрушенія — у ш а м и . "Всего болѣе, говоритъ хроникеръ, поразили меня его уши, неестественной величины, длинныя, широкія, толстыя, какъ то особенно врозь торчавшія. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зловѣщее". На засѣданіи "у нашихъ" Шигалевъ собирается читать "толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь". Онъ создатель новой системы "устройства міра". Правда, система еще не закончена и противоречива, но все же, "никакого другого разрѣшенія общественной формулы не можетъ быть". Великое открытіе его заключается въ слѣдующей фразѣ: "В ы х о д я и з ъ б е з г р а н и ч н о й с в о б о д ы, я з а к л ю ч а ю б е з г р а н и ч н ы м ъ д е с п о т и з м о м ъ". Одна десятая человѣчества получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми, которыя превращаются въ с т а д о . Тогда наступитъ земной рай. Система Шигалева — логическое продолженіе идеи Раскольникова; она будетъ осуществлена на практикѣ Великимъ Инквизиторомъ. Мысль "длинноухаго" теоретика полностью переходитъ въ легенду, придуманную Иваномъ Карамазовымъ.

Въ своемъ "гимнѣ разрушенію" Петръ Верховенскій вдохновляется теоріей Шигалева, этого "новаго Фурье". Изъ научнаго трактата онъ дѣлаетъ лирическую импровизацію. Ученый соціологъ и "полупомѣшанный поэтъ" дополняютъ другъ друга въ преклоненіи передъ идеаломъ сатанинской красоты".

Исключенная глава ("У Тихона"), по замыслу Достоевскаго, должна была быть кульминаціонной. Тутъ происходитъ столкновеніе атеиста Ставрогина и святого христіанина — Тихона. Когда Ставрогинъ насмѣшливо разсказываетъ Тихону о своихъ галлюцинаціяхъ (не вѣря въ видѣнія и привидѣнія, онъ считаетъ, что это — болѣзнь), Тихонъ ему серьезно отвѣчаетъ: "Бѣсы существуютъ несомнѣнно, но пониманіе о нихъ можетъ быть весьма различное" (т. е. нѣкоторые могутъ понимать ихъ какъ галлюцинаціи). Тогда раздраженный и взбѣшенный Ставрогинъ съ дьявольской гордостью заявляетъ: "Я вамъ серьезно и нагло скажу: я вѣрую въ бѣса, вѣрую канонически, въ личнаго, не въ аллегорію и мнѣ ничего не нужно ни отъ кого выпытывать, вотъ вамъ и все". На вопросъ богоотступника — вѣруетъ ли Тихонъ въ Бога, послѣдній отвѣчаетъ — "Вѣрую", а позднѣе добавляетъ — "Креста Твоего, Господи, да не постыжуся".

Въ романѣ "Подростокъ" (1875 г.) Достоевскій отреагировалъ многое изъ пережитаго и передуманнаго. Изъ анализа черновиковъ этого романа видно, что прототипомъ главнаго героя — Версилова — служили личности Чаадаева и Герцена. (См. А. С. Долининъ — "Въ творческой лабораторіи Достоевскаго", Ленинградъ, 1947 г.; его же — "Послѣдніе романы Достоевскаго", Москва-Ленинградъ, 1963 г.; В. Л. Комаровичъ — "Романъ "Подростокъ", какъ художественное единство", 2-й Сборникъ о Достоевскомъ подъ ред. Долинина, Петроградъ, 1924 г.).

Но чѣмъ болѣе было установлено первоисточниковъ и прототиповъ, послужившихъ Достоевскому для созданія какъ образовъ героевъ романа, такъ и отдѣльныхъ сюжетныхъ ситуацій, — тѣмъ болѣе загадочнымъ становится романъ и какъ художественное цѣлое, и какъ идейное единство.

Паѳосъ предыдущаго романа "Бѣсы", смѣняется здѣсь глубокимъ грустнымъ раздумьемъ прежде всего надъ собственной душой, въ которой оказалось еще такъ много безпорядка, противорѣчій, непреодоленнаго стремленія безпокойнаго ума къ острой діалектикѣ и, одновременно, все возрастающей тоски по умиротворяющей тишинѣ правды, въ гармонической цѣлости духа.

Хотя романъ названъ "Подросткомъ" и героемъ романа долженъ былъ быть этотъ подростокъ со своей "идеей Ротшильда" (видоизмѣненная идея — "Скупого Рыцаря" Пушкина, котораго Достоевскій черзвычайно высоко цѣнилъ и передъ писаніемъ "Подростка" — перечелъ), — но противъ желанія автора, главнымъ героемъ оказался отецъ подростка — Версиловъ. Аналогичный случай главнаго героя, явившагося "противъ желанія автора" — мы видѣли въ лицѣ Ставрогина, занявшаго мѣсто, назначенное авторомъ для Петра Верховенскаго. Это характерно для психологіи творчества Достоевскаго.

Своего отца — Версилова — подростокъ такъ характеризуетъ: "Живетъ лишь одинъ Версиловъ, а все остальное, кругомъ него, все съ нимъ связанное прозябаетъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ имѣть честь питать его своими силами ,свими живыми соками". Когда отъ связи съ Софьей Андреевной родился незаконный сынъ Версилова — Аркадій ("Подростокъ"), "мать была еще молода и хороша, а, стало быть, нужна Версилову, а крикунъ-ребенокъ, разумѣется былъ всему помѣхою, особенно въ путешествіяхъ". Поэтому его отдали на воспитаніе въ чужую семью. Однажды, въ Великомъ посту Версиловъ такъ умилился, что рѣшилъ исповѣдываться и причаститься Св. Таинствъ, но "что-то не понравилось ему въ наружности священника, въ обстановкѣ; но только онъ воротился и вдругъ сказалъ съ тихою улыбкою: "Друзья мои, я очень люблю Бога, но — я къ этому не способенъ". Это такъ типично для розоваго русскаго интеллигента и эгоиста до мозга костей. Подобно Ставрогину, (будучи до нѣкоторой степени даже двойникомъ послѣдняго) Версиловъ способенъ одновременно испытывать два противоположныхъ чувства. Онъ

самъ такъ и говоритъ про себя: "Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и то же время". Глубокій и правильный анализъ личности Версилова мы находимъ у проф. Н. О. Лосскаго, въ книгѣ — Достоевскій и его христіанское міропониманіе", Издательство имени Чехова, Нью Іоркъ, 1953 г.

"Ничему не отдаваясь, но всего требуя для себя" — пишетъ Лосскій — "гордый человѣкъ подвергается особенно тяжкому испытанію, если случится ему полюбить женщину, которая не отдается ему жертвенно и безпрекословно и стремится сохранить хоть какую нибудь самостоятельность. Такова была исторія любви Версилова къ Екатеринѣ Николаевнѣ Ахмаковой. Какъ это часто бываетъ съ гордыми людьми, любовь его была вмѣстѣ съ тѣмъ и ненавистью"... "Кощунственный поступокъ Версилова, расколовшаго икону ударомъ о печь, былъ совершенъ имъ въ состояніи раздвоенія и одержимости. Въ день погребенія Макара Ивановича, совпавшій съ днемъ рожденія Софіи Андреевны, онъ пришелъ къ ней съ краснымъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ. Онъ сознавалъ свой долгъ исполнить данное Макару Ивановичу "дворянское обѣщаніе" жениться послѣ смерти его на Софіи Андреевнѣ и тѣмъ не менѣе сдѣлалъ предложеніе Ахмаковой, собирался отправиться на свиданіе съ нею. Находясь въ состояніи мучительнаго раздвоенія, онъ, неся букетъ, нѣсколько разъ хотѣлъ "бросить его на снѣгъ и растоптать ногой".

Ставрогинъ, какъ извѣстно, кончилъ свою дикую жизнь самоубійствомъ. Его до нѣкоторой степени двойникъ — Версиловъ — дѣлаетъ попытку самоубійства.

Смыслъ и идею самого Подростка (Аркадія Долгорукаго) Достоевскій формулировалъ въ Дневникѣ Писателя такъ — "Я взялъ душу безгрѣшную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и "случайность— свою и тою широкостью, съ которою еще цѣломудренная душа уже допускаетъ сознательно порокъ въ свои мысли, уже лелѣетъ въ сердцѣ своемъ, любуется имъ еще въ стыдливыхъ, но уже въ дерзкихъ и бурныхъ мечтахъ своихъ — все это, оставленное единственно на свои силы и на свое разумѣніе, да еще, правда, на Бога. Все это выкидыши общества, "случайные" члены "случайныхъ семей".

Антиподомъ Версилову, въ романѣ "Подростокъ" является странникъ Макаръ Ивановичъ Долгорукій. Онъ — носитель идеи "благообразія", по которому тоскуетъ подсознательно подростокъ. Макаръ Ивановичъ — одинъ изъ образовъ "положительно прекраснаго человѣка", родственный образу архіерея Тихона. Несомнѣнно, что на образъ Макара Ивановича повліяло стихотвореніе Некрасова "Власъ", которымъ Достоевскій восхищался и о которомъ даже написалъ восторженную статью въ своемъ "Дневникѣ Писателя". Образъ этотъ — чрезвычайно правдивый, въ высшей степени жизненный, своеобразный и привлекательный. Онъ восхваляетъ пустыню, благоговѣйно относится къ монастырямъ, но, прибавля-

етъ Достоевскій, "ни въ пустыню, ни въ монастырь, ни за что не пойдетъ, потому что въ высшей степени "бродяга". Разсказывая о своемъ паломничествѣ въ Богородицкій монастырь, Макаръ Ивановичъ дѣлится своими воспоминаніями о красотѣ тамошней природы: "Проснулся я за утра рано, еще всѣ спали и даже солнышко изъ-за лѣса не выглянуло. Восклонился я, милый, главой, обвелъ кругомъ взоръ и вздохнулъ: красота вездѣ неизреченная! Тихо все, воздухъ легкій, травка растетъ — расти травка Божія; птичка поетъ — пой, птичка Божія, ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ — Господь съ тобой, маленькій человѣкъ, расти на счастье, младенчикъ!"

Макаръ Ивановичъ — одинъ возвышается надъ всѣми "безпорядочными", мятущимися окружающими его людьми. По мысли Достоевскаго — распаденіе семьи и нравственное разложеніе общества объясняется оскуденіемъ вѣры въ Бога и вѣры въ безсмертіе души.

Еще въ январѣ 1873 г. Достоевскій принялъ предложеніе князя Мещерскаго редактировать его правую газету "Гражданинъ". Предыдущимъ редакторомъ этой газеты былъ Градовскій. Послѣ его ухода положеніе газеты было критическимъ. Объ этомъ такъ пишетъ въ своихъ "Воспоминаніяхъ" князь В. П. Мещерскій: ..."И въ эту трудную минуту, въ одну изъ средъ, когда за чашкою чая, мы говорили объ этомъ вопросѣ, никогда не забуду, съ какимъ добродушнымъ и въ то же время вдохновеннымъ лицомъ Ѳ. М. Достоевскій обратился ко мнѣ и говоритъ мнѣ: "Хотите, я пойду въ редакторы?" Въ первый мигъ мы подумали, что онъ шутитъ, но затѣмъ явилась минута серьезной радости, ибо оказалось, что Достоевскій рѣшился на это изъ сочувствія къ цѣли изданія. Но этого мало, рѣшимость Достоевскаго имѣла свою духовную красоту. Достоевскій былъ, не взирая на то, что онъ былъ Достоевскій, — бѣденъ, онъ зналъ, что мои личныя и издательскія средства ограничены и потому сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ для себя только самаго нужнаго гонорара, какъ средствъ къ жизни, самъ назначилъ 3000 р. въ годъ и построчную плату".

Какъ и слѣдовало ожидать, широта и глубина міровоз. Дост--го не могли не войти въ конфликтъ съ узкимъ и мелкимъ, крайне консервативнымъ міровоззрѣніемъ Мещерскаго, которое воспринималось Достоевскимъ едва ли не такъ же болѣзненно, какъ міровоззрѣніе крайнихъ лѣвыхъ круговъ. Послѣ ряда непріятностей съ цензурой, (къ чести которой надо отмѣтить, что правые органы привлекались къ отвѣтственности, если нарушали правительственныя распоряженія, не менѣе, чѣмъ лѣвыя), — Достоевскій отказался отъ редакторства. Въ письмѣ къ М. П. Погодину въ это время (1873 г), онъ сообщалъ: "Роятся въ головѣ и слагаются въ сердцѣ образы повѣстей и романовъ. Задумываю ихъ, записываю, каждый день прибавляю новыя черты къ записанному плану и тутъ же вижу, что все время мое занято журналомъ ("Гражданиномъ"), что писать я уже не могу больше и прихожу въ раскаяніе и отчаяніе... Тѣмъ не менѣе борьба — вещь хорошая. Борьба настоящая есть матеріалъ для міра будущаго...

Рѣшительно думается мнѣ иногда, что я сдѣлалъ большое сумасбродство, взявшись за "Гражданина".

Въ это же время Достоевскій въ письмахъ къ женѣ сообщаетъ о своихъ кошмарныхъ снахъ, связанныхъ съ несчастьями и страданіями дѣтей своихъ: то онъ видитъ во снѣ, что сынъ Ѳедя упалъ изъ окна 4-го этажа, то видитъ, что какая то жестокая мучительница засѣкла до полусмерти его дочь Лилю. "Слезы дѣтей", о которыхъ впослѣдствіи будетъ говорить Иванъ Карамазовъ, по вѣрному замѣчанію критика К. Мочульскаго, "выстраданы въ ночныхъ кошмарахъ Достоевскаго".

За время редактированія "Гражданина", Достоевскій создалъ въ немъ особый отдѣлъ, который назвалъ "Дневникомъ писателя". Въ первомъ же номерѣ "Гражданина" Достоевскій сообщаетъ: "Положеніе мое въ высшей степени неопредѣленное. Но я буду говорить самъ съ собой и для собственнаго удовольствія въ формѣ этого дневника, а тамъ что бы ни вышло. Объ чемъ говорить? Обо всемъ, что поразитъ меня или заставитъ задуматься".

Къ этому же времени относится и первое знакомство Достоевскаго съ знаменитымъ будущимъ оберъ-прокуроромъ К. П. Побѣдоносцевымъ, съ которымъ въ концѣ жизни Достоевскій дружески сблизился.

Религіозно-публицистическая дѣятельность Достоевскаго (главнымъ образомъ при помощи своего "Дневника писателя") прекрасно освѣщена и глубоко правильно оцѣнена митрополитомъ Антоніемъ (Храповицкимъ), въ его книгѣ "Ѳ. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ возрожденія" (Монтреалъ, Канада, Изданіе Сѣверо-Американской и Канадской Епархіи, 1965 г.) и въ книгѣ Н. О. Лосскаго — "Достоевскій и его Христіанское міропониманіе" (Издательство имени Чехова, Нью Іоркъ, 1953 г.). Много цѣннаго находится также о публицистической дѣятельности Достоевскаго въ обширномъ и доброкачественно-честномъ изслѣдованіи К. Мочульскаго (Парижъ, 1947 г.). Изъ совѣтскихъ изслѣдованій, которыя стѣснены жестокой коммунистической цензурой, можно указать наиболѣе цѣнные труды по этому вопросу слѣдующихъ крупныхъ литературовѣдовъ: Л. Гроссманъ — Достоевскій, Москва, 1962 г. и М. Гусъ — Идеи и образы Достоевскаго, Москва, 1962 г.

Въ "Дневникѣ писателя" (который издавался въ 1873, 1876, 1877 гг., въ августѣ 1880 г. и въ январѣ 1881 г.), кромѣ религіозно-философской публицистики, имѣются еще чисто художественныя произведенія, какъ напр., "Мальчикъ у Христа на елкѣ", "Сонъ смѣшного человѣка", "Бобокъ", "Кроткая" — повѣсть, за которую Кнутъ Гамсунъ готовъ былъ отдать всю западно-европейскую литературу.

Послѣдній свой романъ — "Братья Карамазовы" — Достоевскій обдумывалъ и писалъ 13 лѣтъ. (Вспомнимъ з а м ы с л ы романовъ "Атеизмъ" и "Житіе великаго грѣшника", матеріалы которыхъ позднѣе вошли въ романы "Бѣсы", "Подростокъ" и "Братья Карамазовы".)

Образъ старца Зосимы создавался сначала подъ вліяніемъ книжнаго образа св. Тихона Задонскаго, но затѣмъ къ нему были прибавлены черты оптинскаго старца Амвросія, къ которому, вмѣстѣ съ Владиміромъ Соловьевымъ, Достоевскій ѣздилъ въ Оптину Пустынь въ 1878 году. (По указанію митрополита Антонія Храповицкаго, нѣкоторыя черты старца Зосимы взяты и отъ другого старца Оптиной Пустныни — Макарія, умершаго въ 1860 году, котораго Достоевскій лично не зналъ, но о которомъ очень много слышалъ.)

Старецъ Амвросій, послѣ посѣщенія его Достоевскимъ, сказалъ о послѣднемъ одно слово — "кающійся". Смыслъ этого эпитета не вполнѣ ясный. Нѣкоторые изъ насельниковъ Оптиной Пустыни (напримѣръ, старецъ Досиѳей, духовникъ старца Нектарія), позднѣе толковали его такъ: "кающійся, т. е. перманентно кающійся, но не умѣющій вполнѣ раскаяться".

Героемъ романа "Братья Карамазовы", по замыслу Достоевскаго, долженъ былъ быть Алеша. Но въ написанномъ романѣ (который, по объясненію Достоевскаго, представлялъ собою только "Введеніе" къ другому, главному, ненаписанному, второму роману) — героемъ является Иванъ.

Симпатіи Достоевскаго явно на сторонѣ старца Зосимы и Алеши, но авторъ предоставляетъ Ивану говорить настолько сильно, умно и убѣдительно, что нѣкоторые критики (напримѣръ А. С. Долининъ) склонны отожествлять Ивана съ самимъ Достоевскимъ.

Да, конечно, голосъ Ивана звучитъ такъ сильно потому, что онъ б ы л ъ когда то голосомъ самого Достоевскаго, и э х о этого голоса сохранялось въ его душѣ очень долго. Вотъ почему, впослѣдствіи, Достоевскій и могъ сказать про себя: "Моя "осанна" черезъ многія горнила сомнѣній прошла"

Въ "Братьяхъ Карамазовыхъ" анализируется проблема "Бога и міроваго зла", т. е. проблема Теодицеи.

Все, что только возможно сказать противъ Бога и созданнаго Имъ міра, — сказано. А полная защита еще не вполнѣ высказана. Она лишь намечена: ибо подробный исчерпывающій отвѣтъ и полная апологія — должны были быть даны во второмъ, окончательномъ романѣ, гдѣ главнымъ героемъ долженъ былъ стать Алеша. Однако, эта защита въ написанномъ романѣ н а м е ч е н а чрезвычайно ясно и твердо.

Кто правъ — Иванъ или Зосима? Алеша, будущій главный герой романа, — в н и м а т е л ь н о слушаетъ обоихъ. Его чистое юношеское сердце "чуетъ правду". Но этого мало. Надо знать, надо понимать, надо умѣть защищать свою вѣру и свое знаніе, а главное — надо ж и т ь и д ѣ й с т в о в а т ь во славу Божьей Правды.

" И н о ч е с т в о в ъ м і р у " — вотъ новая идея Достоевскаго.

Эта идея ни въ коемъ случаѣ не отрицаетъ "иночества надъ міромъ". Наоборотъ, она — идея "иночества въ міру" — питается сверху, дышитъ "горнимъ воздухомъ" "иночества надъ міромъ". Инокъ въ міру — переводчикъ духовнаго языка на языкъ душевный, миссіонеръ не только словомъ, но и примѣромъ, поступками, всей своей жизнью — въ міру.

(Между прочимъ, слѣдуетъ замѣтить, что эта идея ничего общаго не имѣетъ съ идеей такъ называемаго "бѣлаго иночества" епископа Іоанна Шаховского.)

Старецъ Зосима благословляетъ Алешу на подвигъ "иночества въ міру", благословляетъ на женитьбу, на вхожденіе въ міръ, для борьбы за приматъ духовнаго начала въ мірской жизни.

Алеша Карамазовъ тщательно готовится къ своему подвигу. Съ Алешей идеологически борется Иванъ. Борьба только начинается, но сразу пріобрѣтаетъ острый и напряженный характеръ. Иванъ ставитъ проблемы, которыя ясно и окончательно разрѣшить долженъ будетъ во второмъ романѣ, — Алеша.

Иванъ не только ставитъ проблемы, но и даетъ свое, опредѣленное отрицательное разрѣшеніе ихъ. Прежде всего онъ ставитъ проблему зла. Послѣ потрясающихъ примѣровъ страданій невинныхъ младенцевъ, Иванъ говоритъ: "Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю" (билетъ на входъ въ будущую міровую гармонію). Иными словами, Иванъ, подобно Вольтеру, протестуетъ не противъ существованія Бога, а противъ созданнаго Богомъ міра, въ которомъ имѣются страданія невинныхъ младенцевъ.

О, конечно, въ голосѣ Ивана мы здѣсь узнаемъ голосъ самого Достоевскаго до-каторжнаго періода, голосъ Достоевскаго — гуманиста, соціалиста, петрошевца.

"Это бунтъ", — тихо и потупившись проговорилъ Алеша.

"Бунтъ? Я бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова", — проникновенно сказалъ Иванъ.

Въ отвѣтъ на "бунтъ" своего брата Алеша напоминаетъ ему о *Христѣ* и *Его* искупляющихъ страданіяхъ. Тогда Иванъ разсказываетъ младшему брату свою "Легенду о Великомъ Инквизиторѣ". Но все грандіозное зданіе этой критики Христіанства — рушится отъ двухъ замечаній Алеши: 1) "Это Римъ...", т. е. это *католичество*, а не *Христіанство;* 2) "Инквизиторъ твой не вѣруетъ въ Бога, вотъ и весь его секретъ". Замѣчанія эти — глубоко правильны и проникновенны. Несомнѣнно, что истинная вѣра въ Бога — просвѣщаетъ умъ человѣческій умомъ Христовымъ до пониманія тѣхъ Истинъ, которыя не могутъ быть понятны и доступны атеисту.

Алеша отвѣчаетъ Ивану по существу, но его отвѣты — это только сѣмена духовнаго пониманія проблемы, изъ которыхъ въ душевномъ человѣкѣ должны выросли и принести плоды — ясныя и убѣдительныя, простыя душевныя мысли и чувства. Все это должно было быть показа-

но и доказано во второмъ, главномъ романѣ, который остался не написаннымъ. Но если мы лишены возможности воочію увидѣть отвѣты Алеши въ убѣдительныхъ художественныхъ образахъ не написаннаго романа, то мы, все-таки, можемъ до нѣкоторой степени выяснить ихъ теоретически, исходя изъ тѣхъ сѣмянъ духовныхъ, которыя намъ даны. Итакъ, попробуемъ перевести на душевный языкъ, краткіе духовные отвѣты Алеши Ивану.

Чѣмъ можно оправдать страданія невинныхъ дѣтей? — гордо спрашиваетъ Иванъ, и тотчасъ самъ себѣ отвѣчаетъ — "ничѣмъ!" Но самая постановка вопроса неправильна. Такіе вопросы нельзя ставить въ плоскости только одного изолированнаго человѣческаго разума.

Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, воплощается, чтобы искупить и спасти міръ. Будучи абсолютно безгрѣшнымъ, онъ совершенно безвинно претерпѣваетъ страданія и мученическую смерть. Безвинные младенцы, претерпѣвая безвинныя муки, — сораспинаются Христу, соучаствують въ Его страданіяхъ, за что получають въ Царствіи Небесномъ высшую вѣчную награду мученическихъ нетлѣнныхъ вѣнцовъ неизреченной славы и радости Св. Духа.

Въ "Житіяхъ святыхъ" имѣется чрезвычайно поучительное описаніе страданій мученика Уара. Въ этомъ описаніи разсказывается объ одной глубоко благочестивой вдовѣ Клеопатрѣ, которая видѣла страданія Уара и послужила ему, послѣ его кончины, въ дѣлѣ сохраненія и прославленія его святыхъ останковъ-мощей. Въ состояніи высокаго духовнаго подъема, она такъ помолилась св. Уару: "Молюсь тебѣ, страстотерпче Христовъ, испроси для меня у Бога то, что будетъ угодно Ему, и полезно мнѣ, а также и единственному сыну моему; я не имѣю просить болѣе того, что хочетъ Самъ Господь; Онъ Самъ знаетъ, что намъ полезно, и пусть совершится надъ нами Его благая и совершенная воля". Вскорѣ послѣ этой молитвы ея единственный сынъ, малый отрокъ, заболѣлъ тяжкой мучительной горячкой и въ страданіяхъ умеръ. Въ безутѣшномъ горе, съ плачемъ, Клеопатра устремилась къ гробницѣ св. Уара и стала вопіять: "Такъ то ты отплатилъ мнѣ, угодникъ Божій, за то, что я столько потрудилась для тебя?.. Ты допустилъ умереть въ мукахъ моему единственному сыну, погубилъ мою надежду, отнялъ у меня свѣтъ очей моихъ..." Послѣ такого плача, отъ крайней усталости и великой скорби она погрузилась въ сонъ. Въ сновидѣніи предъ нею явился св. Уаръ, держа за руку ея сына; оба они были свѣтлы, какъ солнце и одежды ихъ были бѣлѣе чѣмъ снѣгъ; на нихъ были золотые пояса и вѣнцы на головахъ, красоты несказанной. И св. Уаръ сказалъ Клеопатрѣ: "Не ты ли сама просила здѣсь меня, чтобы я испросилъ для тебя у Бога то, что Ему угодно и полезно тебѣ и твоему сыну? Итакъ, я просилъ Всеблагого Бога, и Онъ соблаговолилъ по неизреченной Своей благости на то, чтобы твой сынъ былъ принятъ въ Небесное Его воинство; и вотъ сынъ твой, какъ ты видишь, теперь сталъ однимъ изъ предстоящихъ престолу

Божію. Если же хочешь, возьми его обратно и пошли его на службу къ царю земному и временному; вижу, что ты не хочешь, чтобы онъ служилъ Царю Небесному и Вѣчному". Отрокъ же, сидѣвшій на рукахъ Уара, обнялъ его и сказалъ: "Нѣтъ, господинъ мой! Не слушай матери моей — не отдавай меня въ міръ, полный неправды и всякаго беззаконія, откуда я спасся благодаря твоему заступничеству; не лишай меня, отче, общенія съ собой и со святыми". Потомъ, обращаясь къ матери своей, онъ сказалъ: "Что ты такъ плачешь, мать моя? Я причисленъ къ воинству Царя-Христа и мнѣ дано право предстоять Ему на небѣ вмѣстѣ съ ангелами, а ты теперь просишь о томъ, чтобы взять меня изъ Царства въ уничиженіе". Тогда, блаженная Клеопатра, видя, что сынъ ея облеченъ въ чинъ ангельскій, сказала: "Возьмите же и меня съ собою, чтобы мнѣ быть съ вами". Но св. Уаръ отвѣчалъ: "И здѣсь, на землѣ, оставаясь, ты все-таки — съ нами; иди же съ миромъ, а потомъ, когда повелитъ Господь, придемъ взять тебя". Въ "Житіяхъ Святыхъ" имѣются и другіе примѣры страданій дѣтей, научающіе вѣрующаго христіанина простой, ясной и мудрой истинѣ о томъ, что "инъ судъ человѣческій и инъ Судъ Божій". А какъ, напримѣръ, понялъ и оцѣнилъ бы Иванъ Карамазовъ такіе случаи, описанные въ "Житіяхъ Святыхъ", когда малый отрокъ, видя сжигаемую на кострѣ мученицу-мать вырывается изъ рукъ держащаго его, и самъ бросается въ огонь, и сгораетъ тамъ вмѣстѣ съ матерью?

По поводу перенесенія страданій можно еще вспомнить и привести примѣры чисто физіологическаго характера. Мы знаемъ, что сильные аффекты (напримѣръ страха) могутъ заглушать и притуплять чувство боли. Гипнозъ тоже можетъ замѣнять наркозъ и подъ гипнозомъ можно дѣлать хирургическія операціи. Въ безсознательномъ состояніи человѣкъ не испытываетъ чувства боли. Наростающая боль можетъ стать своего рода наркозомъ и притупить боль, какъ это показалъ въ своихъ замѣчательныхъ работахъ русскій физіологъ Н. Е. Введенскій. Еще болѣе мощнымъ средствомъ для преодолѣнія чувства даже самыхъ страшныхъ мукъ — являются возвышенные духовные подъемы, каковые проявляли христіанскіе мученики. Посылая скорби и страданія, Господь одновременно часто посылаетъ и силы для "избытія" этихъ испытаній. Всемогущій, всесильный и всеблагой Господь можетъ послать и посылаетъ свою помощь при помощи чудесъ: вспомнимъ хожденіе по водамъ не только Самого Спасителя, но и апостола Петра, преподобной Маріи Египетской и другихъ. Слѣдовательно, Господь можетъ при помощи чуда облегчить и даже совершенно уничтожить боль, муку, страданія невинныхъ дѣтей, хотя внѣшне будетъ казаться, что эти муки нестерпимы.

Кровь невинныхъ замученныхъ младенцевъ — страшная человѣческая жертва. Но развѣ Божественная кровь невиннаго Спасителя міра — не является еще болѣе страшной Богочеловѣческой жертвой? Передъ Голгоѳой — "да молчитъ всякая человѣческая плоть". Можетъ ли, смѣетъ ли какой нибудь человѣкъ, кромѣ воинствующаго безбожника съ сожженой совѣстью, — "возвратить билетъ на право входа въ міровую гар-

монаю", т. е. на участіе въ вѣчномъ спасеніи человѣческихъ душъ отъ грѣха, проклятія и смерти, и полученіи вѣчнаго блаженства въ Царствѣ Небесномъ, — стоя передъ Голгоѳой невинно распятаго Спасителя міра? Сможетъ ли и самъ Иванъ Карамазовъ, не "теоретически только мысля", а лично стоя передъ Распятымъ Христомъ, — нагло возвращать Ему свой билетъ, купленный кровью Богочеловѣка?

Какое право имѣетъ Иванъ "не прощать" безвинныхъ страданій младенцевъ, когда эти младенцы (нѣкоторые изъ нихъ сами бросаются въ огонь) — не только "простятъ", но благословятъ свои страданія и возблагодарятъ Господа за то, что избралъ ихъ на безвинныя муки, сораспялъ съ Собою, и тѣмъ уготовалъ имъ самую высшую вѣчную награду нетлѣнныхъ мученическихъ вѣнцовъ въ Царствѣ Небесномъ...

Души невинныхъ замученныхъ на временной землѣ младенчиковъ, — русскій народъ, въ замѣчательномъ "Сказаніи о Невидимомъ Градѣ Китежѣ" — видитъ въ Вѣчномъ Царствѣ Небесной, облеченнымъ въ неизреченную Красоту. Душа ихъ:

"Свѣтлой радугой опоясана,
Съ неба звѣздами вся украшена,
Сзади — крылья тихой радости,
Начелъ — напрасныхъ мукъ вѣнецъ".

Чрезвычайно знаменательно, что чистаго Алешу гораздо лучше, чѣмъ ученый братъ Иванъ, понимаетъ старшій братъ, безпутный Дмитрій, который способенъ на такое духовное самоотреченіе, какъ примиреніе съ мыслью идти на каторгу за "отцеубійства", котораго не совершалъ. Ибо, по убѣжденію Достоевскаго, — "всѣ за одного и одинъ за всѣхъ виноваты". Такова соціальная этика христіанства.

Въ 1878 г. Россійская Академія Наукъ избираетъ Достоевскаго въ Члены-корреспонденты по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Это вызываетъ восторги друзей писателя и озлобленіе его враговъ.

"Лебединой пѣсней" Достоевскаго, какъ извѣстно, была знаменитая его рѣчь о Пушкинѣ, на Пушкинскомъ праздникѣ, при открытіи памятника величайшему геніальному русскому поэту, 8/20 іюня 1880 г. (за 7 мѣсяцевъ до кончины Достоевскаго).

Основная идея этой рѣчи (которая была плодомъ 20-лѣтнихъ размышленій) — анализъ исторической миссіи Россіи. Эту миссію Достоевскій видѣлъ въ содѣйствіи Всечеловѣческому Братству народовъ. Въ основу такого Братства онъ считалъ необходимымъ положить разрѣшеніе соціально-политическихъ проблемъ въ духѣ Православія. Православную Христіанскую Правду онъ считалъ величайшей реальной исторической Правдой.

Успѣхъ рѣчи былъ совершенно необыкновенный. Это было не только самое замѣчательное событіе въ исторіи русской литературы, но и одно изъ самыхъ значительныхъ явленій въ исторіи русской духовной культуры 19 вѣка.

Вернувшись съ праздника, Достоевскій писалъ женѣ:... "Когда же я провозгласилъ въ концѣ о всемірномъ единеніи людей, то зала была какъ въ истерикѣ... люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали другъ-друга и клялись другъ-другу быть лучшими, не ненавидѣть впредь другъ-друга, а любить".

Это была правда. Тургеневъ — со слезами обнималъ своего стараго врага. Иванъ Аксаковъ отказался говорить свою рѣчь послѣ рѣчи Достоевскаго, которую онъ квалифицировалъ, какъ событіе въ русской литературѣ. Аксакова за эти слова наградили аплодисментами, но заставили произнести и свою рѣчь. Одинъ студентъ упалъ въ обморокъ отъ волненія. Достоевскій получилъ отъ имени русскихъ женщинъ огромный лавровый вѣнокъ, который онъ, проѣзжая послѣ праздника мимо памятника Пушкину, — положилъ къ ногамъ своего Учителя.

Побѣдоносцевъ прислалъ Достоевскому привѣтственное письмо, въ которомъ выражалъ свою благодарность за то, что Достоевскому удалось "отодвинуть назадъ безумную волну, которая готовилась захлестнуть памятникъ Пушкина".

Изъ многочисленныхъ "Воспоминаній" и описаній Всероссійскаго Пушкинскаго праздника въ 1880 году, — заслуживаетъ особаго вниманія яркое, правдивое, проникновенное "Воспоминаніе" знаменитаго русскаго юриста, замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, сенатора, члена Государственнаго Совѣта, профессора Уголовнаго Права, Академика Россійской Академіи Наукъ, — Анатолія Θеодоровича Кони.

(Авторъ настоящей статьи имѣлъ счастье и радость слышать нижеприводимое "Воспоминаніе" изъ устъ самого А. Θ. Кони, находясь съ послѣднимъ, лѣтомъ 1922 г. въ Санаторіи "Дома Ученыхъ" въ Царскомъ Селѣ, переименованномъ большевиками въ "Дѣтское Село", а затѣмъ въ городъ "Пушкинъ".)

Приведемъ изъ этого "Воспоминанія" (Москва, 1959 г., томъ 2-й) обширную цитату.

"Въ 1880 г., въ Москвѣ состоялось давно жданное открытіе памятника Пушкину... По оживленію населенія, по восторженному настроенію представителей литературы, искусства и просвѣтительныхъ учрежденій, въ большинствѣ входившихъ въ составъ разныхъ депутацій съ хоругвями и вѣнками, по трогательнымъ эпизодамъ, сопровождавшимъ это открытіе — оно представило незабываемое событіе въ памяти каждаго изъ сознательно при немъ присутствовавшихъ.

Три дня продолжались празднества, причемъ главнымъ живымъ героемъ этихъ торжествъ являлся, по общему признанію, Тургеневъ. Но на третій день его замѣнилъ въ этой роли Θеодоръ Михайловичъ Достоевскій. Тому, кто слышалъ его извѣстную рѣчь въ этотъ день, конечно, съ полной ясностью представилось, какой громадной силой и вліяніемъ можетъ обладать человѣческое слово, когда оно сказано съ горячей искренностью среди назрѣвшаго душевнаго настроенія слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми

глазами, съ нерѣшительнымъ жестомъ и тихимъ голосомъ, Достоевскій совершенно преобразился, произнося свою рѣчь... На эстрадѣ онъ выросъ, гордо поднялъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ заблистали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ сталъ энергическимъ и повелительнымъ... Въ залѣ началось сдержанное волненіе, которое все росло, и когда Ѳеодоръ Михайловичъ окончилъ, то наступила минута молчанія, а затѣмъ какъ бурный потокъ прорвался неслыханный и невиданный мною въ жизни в о с т о р г ъ... Такъ, вѣроятно, въ далекое время, умѣлъ подѣйствовать на собравшуюся толпу Савонарола... Рѣчь Достоевскаго поразила даже иностранцевъ... Профессоръ Русской Литературы въ Парижскомъ Университете, Луи Лежэ, пріѣхавшій спеціально на Пушкинскія торжества, говорилъ, что совершенно подавленъ блескомъ и силой этой рѣчи, весь находится подъ ея обаяніемъ и желалъ бы передать свои впечатлѣнія во всемъ ихъ объемѣ Виктору Гюго, въ талантѣ котораго, по его мнѣнію, такъ много общаго съ дарованіемъ Достоевскаго".

Рѣшивъ съ 1881 года возобновить изданіе своего "Дневника Писателя", Достоевскій писалъ 4 ноября 1880 г. Ивану Сергѣевичу Аксакову: "Вамъ дружески признаюсь, что предпринимая съ будущаго года "Дневникъ", часто и многократно на колѣняхъ молился уже Богу, чтобы далъ мнѣ сердце чистое, слово чистое, безгрѣшное, нераздражительное, независтливое". Эти слова Достоевскаго — чрезвычайно знаменательны. Вѣдь прежній "Дневникъ" былъ полонъ весьма раздражительными словами, хотя сердце писателя всегда было чисто. Такая самокритика, такое осторожное отношеніе къ с л о в у, напоминаетъ намъ подобное же отношеніе къ слову Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни.

Въ декабрѣ 1880 г. Достоевскій лично преподноситъ романъ "Братья Карамазовы" Наслѣднику, будущему Императору Александру III и удостаивается пріема Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Аничковомъ Дворцѣ.

Первый и послѣдній выпускъ "Дневника Писателя", январь 1881 г., вышелъ уже послѣ кончины Достоевскаго. Самыми замѣчательными скорбными словами великаго геніальнаго русскаго писателя въ этомъ послѣднемъ выпускѣ были слова о лѣвой русской интеллигенціи. "Вся глубокая ошибка ихъ" (т. е. лѣвыхъ интеллигентовъ), — писалъ Достоевскій — "въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ — *Церкви*"... "Не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ в с е с в ѣ т н ы м ъ е д и н е н і е м ъ в о и м я *Х р и с т о в а*. Вотъ нашъ русскій соціализмъ".

Достоевскій вѣрилъ, что трагедія исторіи человѣчества завершится преображеніемъ міра и вторымъ пришествіемъ Спасителя. Эта пламенная вѣра его еще не нашла ясныхъ образовъ и носила х и л і а с т и ч е с к і й оттѣнокъ. Сущность же идеи всеобщей апостасіи и тайны реальнаго пришествія Антихриста Достоевскій еще себѣ не уяснилъ. Любилъ онъ пла-

менно Христа. Любилъ онъ пламенно и Россію. Онъ допускалъ, что душа русскаго народа можетъ стать одержимой "бѣсами", но горячо вѣрилъ, что съ сущностью русской души они никогда не сольются и никогда до конца ее не поработятъ. Рано или поздно, душа русскаго народа, подобно гадаринскому бѣсноватому, вполнѣ исцѣлится черезъ покаяніе и тихо сядетъ у ногъ Спасителя.

Никто такъ потрясающе ярко не изображалъ человѣческихъ страданій и никто не обладалъ такимъ даромъ проникновеннаго сострадания и утѣшенія скорбящихъ, какъ Достоевскій. О страданіяхъ много и сильно писалъ и Некрасовъ, котораго Достоевскій назвалъ за это "страстнымъ къ страданію поэтомъ", но Некрасовъ разсматривалъ страданія преимущественно въ соціологическомъ освѣщеніи, тогда какъ Достоевскій анализировалъ ихъ съ религіозно-философской точки зрѣнія.

Въ образѣ распятаго Спасителя міра Достоевскій находилъ оправданіе всѣхъ видовъ скорби на землѣ. Эшафотъ, каторга и ссылка научили и дали Достоевскому нравственное право учить другихъ людей христіанскому смиренію, терпѣнію и благодаренію за скорби. Отсюда становится совершенно понятно, почему лѣвые критики всегда были врагами Достоевскаго, и чѣмъ они лѣвѣе, тѣмъ рѣзче и грубѣе была ихъ критика. Но превзошелъ всѣхъ въ слѣпой ненависти къ Достоевскому, именно за его христіанское оправданіе страданій — Максимъ Горькій.

Незадолго до своей смерти, Максимъ Горькій писалъ М. М. Зощенко: "Эхъ, Михаилъ Михайловичъ, какъ хорошо было бы, если бъ вы дали... книгу на тему о страданіи! Никогда и никто еще не рѣшался осмѣять страданіе, которое для множества людей было и остается любимой ихъ профессіей. Никогда еще и ни у кого страданіе не возбуждало чувство брезгливости. Освященное религіей "страдающаго Бога", оно играло въ исторіи роль "первой скрипки", "лейтмотива", основной мелодіи жизни. Разумѣется, — оно вызывалось вполнѣ реальными причинами соціологическаго характера — это такъ! Но въ то время, когда "простые люди" боролись противъ его засилія хотя бы тѣмъ, что заставляли страдать другъ друга, тѣмъ, что бѣжали отъ него въ пустыни, въ монастыри, въ "чужіе края" и т. д., литераторы прозаики и стихотворцы — фиксировали, углубляли расширяли его "универсализмъ", невзирая на то, что даже самому страдающему Богу страданіе опротивѣло и Онъ взмолился: "Отче, пронеси мимо Меня, Чашу сію".

Страдая душевно за "униженныхъ и оскорбленныхъ", Достоевскій духовно восхищался кротостью и смиреніемъ ихъ, и, одновременно, негодовалъ и рѣзко осуждалъ революціонеровъ, называя ихъ "бѣсами". За это М. Горькій особенно ненавидѣлъ Достоевскаго.

Незадолго до своей кончины, Достоевскій познакомился съ графиней Александрой Андреевной Толстой, двоюродной теткой Льва Толстого. Александра Андреевна была старше Толстого на 11 лѣтъ (она родилась въ 1817 г.). Почти всю свою жизнь она провела при Дворѣ въ званіи фрейлины. Тетку и племянника Толстыхъ связывала многолѣтняя дружба, от-

раженная въ ихъ интенсивной длительной перепискѣ, продолжавшейся 47 лѣтъ (съ 1857 по 1903 г.). Переписка эта чрезвычайно интересна и представляетъ собою борьбу глубоко религіозной, православной, умной и образованной женщины съ нелѣпыми и капризными убѣжденіями и заблужденіями Льва Толстого.

Какъ извѣстно, Толстой и Достоевскій лично никогда не встрѣчались, но, конечно, знали произведенія другъ друга и иногда высказывались другъ о другѣ. Достоевскій высоко цѣнилъ художественныя произведенія Толстого, но возмущался его "философскими", "религіозными" и "моральными" разсужденіями, считая Толстого неисправимымъ гордецомъ, который представляется смиреннымъ, и въ высшей степени сложнымъ и изломаннымъ, который только представляется простецомъ. Толстой же говорилъ о Достоевскомъ: "Записки изъ Мертваго Дома" — прекрасная вещь, но остальныя произведенія Достоевскаго я не ставлю высоко. Однако, когда Достоевскій умеръ, Толстой написалъ: "Я никогда не зналъ лично этого человѣка, но когда онъ умеръ, я почувствовалъ, что это былъ самый близкій, самый нужный мнѣ человѣкъ. Какая то опора отскочила отъ меня и я растерялся".

Графиня Александра Андреевна Толстая, незадолго до смерти Достоевскаго познакомившаяся съ нимъ, рѣшила свою переписку съ Львомъ Толстымъ показать автору "Братьевъ Карамазовыхъ" и просить его совѣта и помощи.

Въ своихъ "Воспоминаніяхъ" А. А. Толстая такъ объ этомъ написала: "Онъ назначилъ мнѣ день свиданія, — и къ этому дню я переписала для него эти письма, чтобы облегчить ему чтеніе неразборчиваго почерка Льва Николаевича... Этотъ очаровательный и единственный вечеръ навсегда запечатлѣлся въ моей памяти; я слушала Достоевскаго съ благоговѣніемъ: онъ говорилъ, какъ истинный христіанинъ, о судьбахъ Россіи и всего міра; глаза его горѣли, и я чувствовала въ немъ пророка... Когда вопросъ коснулся Льва Николаевича, онъ просилъ меня прочитать обѣщанныя письма громко. Странно сказать, но мнѣ было почти обидно передавать ему, великому мыслителю, такую путаницу и разбросанность въ мысляхъ... Вижу еще теперь передъ собою Достоевскаго, какъ онъ хватался за голову и отчаяннымъ голосомъ повторялъ: — "Не то, не то!.." Онъ не сочувствовалъ ни единой мысли Льва Николаевича; несмотря на то, забралъ все, что лежало писанное на столѣ: оригиналы и копіи писемъ Льва. Изъ нѣкоторыхъ его словъ я заключила, что въ немъ родилось желаніе оспаривать ложныя мнѣнія Льва Николаевича... Я нисколько не жалѣю потерянныхъ писемъ, но не могу утѣшиться, что намѣреніе Достоевскаго осталось невыполненнымъ: черезъ 5 дней послѣ этого разговора Достоевскаго не стало"...

Дѣйствительно, глубоко жаль, что не состоялась литературная дуэль между Толстымъ и Достоевскимъ. Болѣе убѣжденнаго, болѣе мощнаго и болѣе геніальнаго критика кощунственныхъ идей Толстого, — невозможно представить.

О послѣднихъ дняхъ жизни Достоевскаго имѣется простой правдивый разсказъ его вѣрной, любимой супруги Анны Григорьевны. Въ ночь на

25 января у Достоевскаго случилось легочное кровотеченіе. Около 5 часовъ дня кровотеченіе повторилось. Встревоженная Анна Григорьевна послала за докторомъ Я. Б. фонъ Бретцелемъ. Когда докторъ сталъ выслушивать и выстукивать грудь больного, кровотеченіе повторилось и настолько сильное, что Θеодоръ Михайловичъ потерялъ сознаніе. "Когда его привели въ себя" — пишетъ въ своихъ "Воспоминаніяхъ" Анна Григорьевна — "первыя слова его, обращенныя ко мнѣ были: "Аня, прошу тебя, пригласи немедленно священника, я хочу исповѣдаться и причаститься! . ."

"Хотя докторъ сталъ увѣрять, что опасности особенной нѣтъ, но, чтобы успокоить больного, я исполнила его желаніе. Мы жили вблизи Владимірской церкви, и приглашенный священникъ, о. Мегорскій, черезъ полчаса былъ уже у насъ. Θеодоръ Михайловичъ спокойно и добродушно встрѣтилъ батюшку, долго исповѣдывался и причастился. Когда священникъ ушелъ и я съ дѣтьми вошла въ кабинетъ, чтобы поздравить Θеодора Михайловича съ принятіемъ Св. Таинствъ, то онъ благословилъ меня и дѣтей, просилъ ихъ жить въ мирѣ, любить другъ друга, любить и беречь меня. Отославъ дѣтей, Θеодоръ Михайловичъ благодарилъ меня за счастье, которое я ему дала, и просилъ меня простить, если онъ въ чемъ нибудь огорчилъ меня... Вошелъ докторъ, уложилъ больного на диванъ, запретилъ ему малѣйшее движеніе и разговоръ, и тотчасъ попросилъ послать за двумя докторами, А. А. Пфейферомъ и профессоромъ Д. И. Кошлаковымъ, съ которыми мужъ мой иногда совѣтовался... Кошлаковъ рѣшилъ, что такъ какъ крови излилось сравнительно немного (въ три раза стакана два), то можетъ образоваться "пробка" и дѣло пойдетъ на выздоровленіе. Докторъ Бретцель всю ночь провелъ у постели больного... Ночь прошла спокойно".

"Проснулась я около 7 часовъ утра и увидѣла, что мужъ смотритъ въ мою сторону. "Ну, какъ ты себя чувствуешь, дорогой мой?" — спросила я, наклонившись къ нему.

"Знаешь, Аня", — сказалъ Θеодоръ Михайловичъ полушопотомъ, — " я уже часа три какъ не сплю и все думаю, и только теперь созналъ ясно, что я сегодня умру..."

"Голубчикъ мой, зачѣмъ ты это думаешь?" — говорила я въ страшномъ безпокойствѣ, — "вѣдь тебѣ теперь лучше, кровь больше не идетъ, очевидно образовалась "пробка", какъ говорилъ Кошлаковъ. Ради Бога, не мучай себя сомнѣніями, ты будешь еще жить, увѣряю тебя..."

"Нѣтъ, я знаю, я долженъ сегодня умереть. Зажги свѣчу, Аня, и дай мнѣ Евангеліе".

"Онъ самъ открылъ святую книгу и просилъ прочесть: открылось Евангеліе отъ Матθея, глава 3, ст. 14-15. ("Іоаннъ же удерживалъ Его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: оставь теперь; ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду"...

"Ты слышишь — "не удерживай", — значитъ, я умру", — сказалъ мужъ и закрылъ книгу..."

Около 7 часовъ вечера кровотеченіе возобновилось и въ восемь часовъ тридцать восемь минутъ Ѳ. М. Достоевскій скончался (28 января 1881 г.).

Погребенъ онъ былъ въ Церкви Св. Духа въ Александро-Невской Лаврѣ, въ Петербургѣ.

Похороны его превратились въ историческое событіе. Не менѣе 30.000 тысячъ народу провожало его гробъ. 72 делегаціи несли вѣнки. Пѣло 15 хоровъ. Гробъ несли на рукахъ постоянно смѣнявшіеся желающіе. Первыми за ручки гроба, по свидѣтельству А. Ѳ. Кони, — взялись Пальмъ и Плещевъ, за тридцать два года передъ этимъ, вмѣстѣ съ усопшимъ возведенные на эшафотъ на Семеновскомъ плацу для выслушанія приговога по дѣлу Петрашевскаго.

А. С. Суворинъ, въ своихъ "Воспоминаніяхъ" писалъ: "Похороны его (Достоевскаго), выносъ его тѣла — общественное событіе, невиданное еще торжество русскаго таланта и русской мысли, всенародно и свободно признанныхъ за русскимъ писателемъ. Зрѣлища болѣе величаваго, болѣе умилительнаго еще никогда не видалъ ни Петербургъ и никакой другой русскій городъ. Ничья вдова, ничьи дѣти не имѣли еще такого великаго утѣшенія — свою скорбь смягчить такимъ выраженіемъ общественной признательности къ близкому человѣку, свою жизнь наполнить воспоминаніемъ о незабвенномъ великомъ днѣ, хотя онъ былъ днемъ вѣчной разлуки".

Похороны состоялись 1 февраля 1881 г.

Прочувствованныя рѣчи произнесли: А. И. Пальмъ, П. А. Гайдебуровъ, профессоръ О. Ф. Миллеръ и философъ Владиміръ Соловьевъ.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ похоронъ Достоевскаго, въ 1893 году, В. В. Розановъ написалъ статью, посвященную покойному писателю, вспомнивъ "необозримыя массы народа", которыя собрались на погребеніе своего "властителя думъ". Въ этой статьѣ Розановъ писалъ: "Что же это были за чувства? Кого хоронили тогда? Кого потеряла Россія въ немъ? Проще всего будетъ сказать, что это былъ одинъ изъ насъ, отъ нашей кости и плоти человѣкъ, но такъ неизмѣримо болѣе насъ пережившій, такъ неизмѣримо большее прозрѣвшій, что это прозрѣніе естественно представляется намъ, какъ мудрость; не та мудрость, что составляетъ плодъ умственныхъ выкладокъ, и которую мы любимъ, какъ предметъ любопытства, но не считаемъ ее достаточно серьезной, чтобы по ней жить, — но мудрость сердца, которой мы ищемъ именно для того, чтобы научиться, какъ жить. Всѣ другіе дары ему дала природа, этотъ онъ пріобрѣлъ и имъ сталъ великъ". Съ этими словами нельзя не согласиться.

Неисчерпаемо глубокое и широкое творчество Достоевскаго будетъ предметомъ изученія многихъ вѣковъ, ибо Достоевскій стоитъ въ одномъ ряду съ такими гигантами художественнаго слова, какъ Данте, Шекспиръ и Пушкинъ.

Проф. И. М. Андреевъ.